СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Сергей Есенин

СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Сергей Есенин

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

скан ewgeniy-new

Составление, подготовка текста
и примечания
К. ЗЕЛИНСКОГО и П. ЧАГИНА

Вступительная статья
К. ЗЕЛИНСКОГО

ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Давно было замечено, что сила воздействия поэтического слова определяется гармоническим слиянием идеи с формой стиха и глубиной выраженных в нем чувств. Сила лирики Есенина в значительной мере объясняется тем, что за ней стоит человеческая судьба, полная драматизма, что в строках Есенина словно бьется обнаженное человеческое сердце.

А. М. Горький высоко ценил художественные достоинства лирики Есенина. В 1930 году, путешествуя по Советской стране, Горький пришел к выводу, что даже в суровое эпическое время лирика находит себе выход в песнях, в мелодиях, в музыке. «Сергея Есенина не спрячешь, не вычеркнешь из нашей действительности»,— писал тогда Горький, видя в поэте «яркий и драматический символ непримиримого раскола старого с новым» [1].

В этом поистине непримиримом расколе Есенин стал на сторону нового. Он, по его собственному выражению, «всеми устоями на советской платформе».

Но путь Сергея Есенина в советскую литературу не был прямым и ясным. Поэт дорого заплатил тому старому, что так цеплялось за него. Вся лирика Есенина — это повесть, рассказанная поэтом о самом себе, повесть о его трудном пути в новое

Есенин выступил и развивался как поэт в годы империалистической войны, затем в период Великой Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны и нэпа И хотя в некоторых стихах Есенин отдал дань старому, в своих лучших

[1] М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, М. 1952, т. 17, стр. 212.

произведениях он сумел раскрыть и помочь читателю почувствовать красоту и силу той народной России, откуда вышел он сам и для которой социалистическая революция открыла дорогу в светлое будущее.

1

Сергей Александрович Есенин родился 3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года в селе Константинове, Рязанской губернии, в семье крестьянина Александра Никитича Есенина.

Родители поэта долгое время жили врозь и потому в детстве Сергей Есенин около шести лет воспитывался в доме деда и бабки, о которых он с любовным добродушным юмором рассказал в стихах и автобиографии.

Едва научившись читать и писать, еще девятилетним мальчиком Есенин потихоньку от озорных сверстников у костра в ночном или за рыбной ловлей на Оке огрызком карандаша записывал первые стихотворные строки.

Учился Есенин в сельской начальной школе, а затем в закрытой второклассной учительской школе церковно-семинарского типа в Спас-Клепиках, в тридцати километрах от Константинова. Здесь он подружился с сыном крестьянина Гришей Панфиловым, оказавшим большое влияние на его духовное развитие.

Весной 1912 года Есенин приезжает в Москву. Его отец в то время работал приказчиком на Щипке в лавке замоскворецкого купца Крылова. Хозяин согласился взять сына приказчика в контору при лавке. На юношу, приехавшего из деревни с тетрадями стихов и поэм, пахнуло той торгашеской атмосферой, которая когда-то так угнетала Кольцова в Воронеже. Из чувства протеста Сергей Есенин отказался вставать, как остальные служащие, когда в лавку входила хозяйка. Возник разлад, и юноша ушел не только из лавки, но временно и от отца.

Годы, проведенные в Москве, имели большое значение в жизни поэта. В поисках дороги в литературу крестьянский юноша Есенин вошел в известный Московский литературно-музыкальный кружок имени Сурикова.

В 1912 году Суриковский кружок был наиболее значительным объединением начинающих писателей и поэтов из рабоче-крестьянской среды. После ухода от отца Есенин некоторое время жил у председателя кружка С. Кошкарова-Заревого, а затем посещав-

шие кружок рабочие типографии Сытина помогли ему устроиться подчитчиком в корректорской.

В 1913—1914 годах молодой поэт посещает лекции в народном университете Шанявского, жадно читает Белинского, Некрасова, Гоголя, Кольцова. Большое впечатление на него произвел роман Чернышевского «Что делать?». В одном из писем своему другу Грише Панфилову Есенин писал, что Рахметов для него — образец принципиальности и он пытается ему подражать.

В 1912 году после Ленского расстрела начинается новый подъем рабочего движения. Стачки захватывают и типографских рабочих. Есенин участвует в рабочих массовках, в конспиративных собраниях в кунцевском парке близ села Крылатского. Из-за связи с революционно настроенными рабочими Есенин дважды подвергается полицейскому обыску: один раз в квартире у своего товарища И. Павлова, другой — в собственной квартире.

В письмах к Панфилову Есенин сообщал: «Писать подробно не могу. Арестовано восемь товарищей за прошлое движение и солидарность к трамвайным рабочим»... «Ты просишь рассказать тебе, что со мной произошло, изволь. Во-первых, я зарегистрирован в числе всех профессионалистов, во-вторых, у меня был обыск, но все пока кончилось благополучно» [1].

Разумеется, эти факты еще не свидетельствуют об участии юноши Есенина в революционном движении, но они говорят о связях молодого поэта с демократической средой, о направлении, в котором шло его духовное развитие.

Намекая на жандармскую слежку, Есенин писал Панфилову: «Объяснять в письме всего не стану, ибо от сих пашей и их всевидящего ока [2] не скроешь и булавочной головки. Приходится молчать. Письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта. Еще раз прошу тебя резких тонов при письме избегай, а то это все кончится печально и для меня и для тебя. Причину всего объясню после, а когда — сам не знаю. Во всяком случае, когда угомонится эта разразившаяся гроза. А теперь поговорим о другом... Я чувствую себя прескверно. Тяжело на душе. Злая грусть залегла. Вот и гаснет румяное лето с своими огненными зорями, а я и не видел его за стенами типографии. Куда ни

[1] Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 130/7.

[2] Перифраза заключительных строк одного из наиболее сильных политических стихотворений М. Лермонтова «Прощай, немытая Россия».

глянь, всюду взор встречает мертвую почву холодных камней и только видишь серые здания да пеструю мостовую, которая вся обрызгана кровью жертв 1905 года» [1].

Так писал Сергей Есенин в 1913 году. За год перед этим он, подражая Пушкину и Лермонтову, пишет стихотворение «Пророк», в котором провозглашает идеалы человечности и любви к народу.

В августе 1914 года социал-демократическая группа суриковцев выпустила воззвание против войны, а несколько месяцев спустя суриковцы решили приступить к изданию на средства, собранные по копейкам от рабочих и служащих типографий, заводов и фабрик, журнала под названием «Друг народа».

Есенин, ставший секретарем редакции журнала, написал антивоенную поэму «Галки». По воспоминаниям участников журнала он изобразил в ней поражение царской армии в Пруссии, плач жен об убитых солдатах. Поэма, сданная в печать, была конфискована полицией еще в наборе.

«Друг народа» окончил свое существование на первом же номере, вышедшем в январе 1915 года. В этом номере Есенин поместил стихотворение «Узоры». К тому времени он уже начал печататься: в 1914 году в детских журналах «Доброе утро» и «Мирок» появились его первые стихотворения, свидетельствующие о самобытном таланте молодого поэта.

Но Есенина не удовлетворяла та литературная среда, которая окружала его в Москве. Он писал Панфилову: «Москва не есть двигатель литературного развития. Она всем пользуется готовым из Петербурга» [2].

Есенин рвался в Петербург, в тогдашнюю «большую литературу», не понимая ее реакционно-буржуазного характера.

Годы, когда Есенин «переступил порог литературы», были, пожалуй, наитруднейшими в истории русской литературы для формирования всякого молодого таланта. С одной стороны, начинался подъем рабочего движения, нарастали забастовки на заводах, учащались крестьянские восстания в деревнях, с другой стороны, литературную жизнь Петербурга насыщали яды декадентства, яды разложения капиталистической культуры. Появились на свет всякие модные декадентские течения — футуризм, акмеизм и т. п.; в интеллигентских салонах одурманивались всевозмож-

---

[1] Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 130/7.

[2] Там же.

ными религиозно-мистическими теориями, зачитывались порнографическими романами Арцыбашева, жаловались на «бессмыслицу жизни», а Сологуб пел о сладости смерти и небытия. А. М. Горький гневно выступал тогда против «разрушения личности», против забвения великих традиций классической русской литературы XIX века, традиций общественного служения народу.

Есенин стремился в Петербург, однако у молодого поэта не было уверенности в том, что его стихи могут дать хоть какие-нибудь средства к существованию. Поэтому он решил остановиться в Петербурге только проездом, а затем отправиться в Ревель и устроиться там на работу грузчиком, или поступить в портовую контору.

Но Есенин не попал к грузчикам Балтийского порта. В северной столице его ждал неожиданный литературный успех.

Последующее трехлетие, проведенное Есениным в Петрограде, глубоко поучительно для понимания того, каким образом буржуазная культура воздействовала на таланты, хотя бы и вышедшие из народной среды, и порой даже подчиняла их себе.

Есенин не был борцом. Увлечение Рахметовым оказалось кратковременным. Крайне впечатлительный, живший в «стихии стиха», искавший общения с поэтами, он в сущности почти не был защищен от того, что сразу обрушилось на него в царской столице.

Прямо с вокзала он отправился со стихами на квартиру Блока. Но от Блока он попал в салон Городецкого, оттуда в «Привал комедиантов» А затем пошли салоны Гиппиус, графини Клейнмихель, подвалы библиоманов и артистов, фешенебельные кабачки, кулисы редакций буржуазных журналов.

Есенин выступал в этих салонах со стихами и пением частушек, одетый в шелковую рубашку, обшитую серебром, в сафьяновых сапожках, словом, в костюме оперного Леля Его встретили благосклонно как златокудрого витязя, пришедшего из самой глубины того «таинственного» народа, который должен был спасти всю эту уже насквозь прогнившую церковно-бюрократическую, буржуазно-помещичью культуру.

В 1920 году, отвечая на вопрос, был ли его житейский путь целен, прям и ровен, Есенин говорил: «Нет, такие были ломки, передряги и вывихи, что я удивляюсь, как это я до сих пор остался жив и цел». И все же Есенин оказался на голову выше той литературной среды, в которой он тогда очутился. Речь идет об отношении к империалистической войне. Сам поэт писал по этому поводу: «Резкое различие со многими петербургскими поэтами

в ту эпоху сказалось в том, что они поддались воинствующему патриотизму, а я, при всей своей любви к рязанским полям и к своим соотечественникам, всегда резко относился к империалистической войне и к воинствующему патриотизму... у меня даже были неприятности из-за того, что я не пишу патриотических стихов на тему «гром победы раздавайся». Но поэт может писать только о том, с чем он органически связан».

2

Перелистаем ранние стихи Есенина — и перед нами предстанет Русь с ее дорогами, то освещенными луной в зимнюю пору, то с их «солончаковой тоскою» летом. Эта Русь с ее красками, запахами движется перед нами, как большой, обжитый мир, родина, данная человеку для жизни. Все здесь мило поэту. Строй сравнений, образов, метафор, всех словесных средств взят из крестьянской жизни, родной и понятной.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хрупотом мысленно кусаю огурцы.
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

Солнце сравнивается с сохой, месяц — с ягненком или с пастушьим рожком. Такие метафоры и сравнения насыщают почти каждое стихотворение.

Русская природа и деревенский быт определяют тематику ранних стихов Есенина, и прелесть этого естественного мира сливается у Есенина с горячей любовью к родине, к России. Природа, деревня и родина своеобразно объединяются в его стихах в едином чувстве прекрасного. Любовь к родине была для Есенина одним из самых могучих источников всей его поэзии.

Скромная пленительная природа средней полосы России воспета Есениным с глубокой и трепетной любовью, словно живое существо. Недаром она и показана не созерцательно, а в действии. Вечер, «свесившись над речкою, полощет водою белой пальцы синих ног», трава «сбирает мед с обветренных ракит», «пляшет сумрак», сосна «словно белою косынкой повязалася» и «понагнулась, как старушка», «теплый вечер грызет воровато луговые поемы и пни», «чистит месяц рога» и так далее. Заря, дороги, реки, небо, кусты, болота, месяц, поля, травы — все в стихах Есенина движется, приходит в поэтические

соотношения с человеком, со всей жизнью. Болото «курит облаком», ивы «вызванивают в четки». Вся душевная жизнь у Есенина сливается с жизнью природы:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Есенин принес в литературу образы родных полей, язык народа, его песен. Непосредственная связь с народной песней, а отсюда и традицией Кольцова, которого Есенин называл одним из своих учителей,— очевидна. Кольцовское у Есенина во всем облике и лексике его стихов песенного склада, в таких, например, как: «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха», «Гой, ты, Русь моя родная», «Хороша была Танюша, краше не было в селе», «Темнаноченька, не спится» и других, в реалистической живописной манере изображающих деревенский быт. Таковы, например, его стихи «В хате», «На плетнях висят баранки». Даже излюбленный у Есенина образ озорного удальца восходит к кольцовскому «Удальцу».

Конечно, было бы неверно проводить здесь слишком далеко идущие параллели. И эпоха не та, и поэзия во многом разная. В частности, Есенин не сумел выразить то, что составляло силу Кольцова — поэзию земледельческого труда.

В стихах Есенина первой половины его творческой жизни много места занимают мотивы и образы, почерпнутые из церковно-христианских представлений и церковных книг. Даже первые сборники стихов Есенина, вышедшие после революции, озаглавлены в стиле духовных песен: «Сельский часослов», «Преображение», «Голубень».

Но Есенину не были присущи глубокая религиозность, мистика. Именно этим объясняется та легкость, с какой его поэзия смирения, облаченная в церковные ризы, сменяется поэзией богоборчества и даже богохульства: «Не молиться тебе, а лаяться научил ты меня, господь».

Впоследствии (в 1924 году) Есенин писал: «Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности... Я просил бы читателей относиться ко всем моим иисусам, божьим матерям и миколам, как к сказочному в поэзии».

Действительно, Есенин часто пользовался церковными образами и словарем лишь для украшения своих стихов, но вместе с тем в некоторых его произведениях явно опоэтизированы и христианское смирение и благостность, якобы присущие русскому человеку. Есть стихи, воспевающие «благословенное страданье, благословляющий народ». Поэт погружает читателя в атмосферу того, что «благостно и свято», говорит о «тайнах нездешних полей» и т. п.

Во всем этом отразились слабые стороны мировоззрения поэта. Так, например, и в свою любовь к деревне Есенин вкладывал утопические представления о некоем прошлом «золотом веке» того патриархального крестьянского мира, который поэт хотел бы противопоставить капиталистическому городу Отсюда стремление поэта окунуться в некую стихию древней русской речи, его пристрастие к архаическим словообразованиям. В патриархальной старине он искал «тайну» живого рождения художественного образа. Позднее, в 1918 году, Есенин писал: «Единственным расточительным и неряшливым, но все же хранителем этой тайны была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня» («Ключи Марии»).

Таковы были еще в предреволюционные годы противоречия в поэзии Есенина.

Его первая деревенская повесть «Яр» (1916) — типично романтическая. И архаизированный язык, и стиль ее («тропыхались вяхири», «морочный ушук», «шумовитый храп» и т. п.), ее сюжет, романтический герой Карев — вольный охотник на земле — все это было романтизацией, фантазией, за которой в действительности скрывалась «полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня».

Но, кроме этой «полуразбитой» капитализмом деревни, в жизни уже выросла и заняла исходные позиции перед последним решительным боем 1917 года великая историческая сила — рабочий класс, возглавленный Коммунистической партией.

Этой силы не видел и не понимал Есенин. И есенинская эстетика опоэтизировала не только здоровое, сильное и прекрасное, заложенное в русском человеке и во всей народной жизни, но и отсталое. Когда же в октябре 1917 года рабочий класс круто повернул нашу страну на новую дорогу, перед русской литературой в целом, а следовательно и перед Есениным, встали совершенно новые задачи.

3

Основным, решающим, что резко отделило Есенина от всего буржуазно-декадентского лагеря, было полное и безоговорочное признание поэтом советской власти и выражение готовности служить своим творчеством народу.

В годы гражданской войны Есенин неоднократно и чрезвычайно резко и определенно выражал свое отношение к «той стороне» в своих публичных выступлениях и в стихах. Так, в поэме «Небесный барабанщик» (1918) он с презрением пишет о белогвардейцах, называя их «белыми гориллами».

Те семь с небольшим лет, в которые жил и творил Есенин после Октября, были годами, когда происходила величайшая революционная ломка в истории человечества, когда рушился прежний быт и весь старый уклад жизни. Это были годы ожесточеннейшей классовой борьбы, гражданской войны, интервенции, затем восстановления разрушенного войной хозяйства, приступа к переустройству жизни на социалистических началах. Каждый день приносил новое. И эта стремительность характеризует также идейное и художественное развитие Есенина. Буквально каждые два года обозначают какой-то новый поворот в его творчестве, новую тематику, освоение новых жанров. Идейное развитие Есенина идет зигзагами, неровно, но все же вперед. Октябрь показал, что Есенин с народом, с революцией и советской властью.

Все советские годы Есенин — в художественных поисках. Он расширяет арсенал поэтических приемов и жанров, обращаясь для выражения того нового, что вошло в русскую жизнь, к оде и поэтической публицистике, к частушке и эпическим полотнам, к пьесе в стихах. Обновляется есенинский словарь, изменяется принцип отбора изобразительных средств. Оставаясь верным своей, «есенинской», образности, поэт отбрасывает риторическую узорность слова, вычурность, сознательно становится на путь пушкинской простоты.

Лирика Есенина — это своеобразная повесть, составленная из отдельных стихов, напоминающих записи в дневнике и рассказывающих порой о едва уловимых настроениях или состояниях души человеческой. Герой этой повести — сам поэт. И в центре ее драма человека, который хочет, но не может заставить свои чувства испытывать то, что говорит им голос разума.

В. И. Ленин писал в 1918 году в статье «Главная задача наших дней»: «История человечества проделывает в наши дни один

из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение...— неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы» [1].

Это состояние идейной и психологической смятенности, охватившей известные социальные слои, отразилось и в творчестве Есенина. Свидетельства и признания в этом мы в обилии найдем в стихах поэта. Например, в «Письме к женщине» он говорит:

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

В поэзии Есенина противоречиво сплелись и отразились обе стороны исторического процесса: рождение нового, прекрасный размах народных творческих сил, радость бытия и умирание старого, чувство отчаяния, прощание с прошлым.

Центральная по значимости тема есенинской лирики советских лет — это тема трудного, мучительного преодоления в себе во имя нового революционного мира всего, что шло от «убогой Руси». И эта центральная тема насыщает лирику Есенина особым драматизмом.

В стихотворении «Русь уходящая» поэт говорит о себе:

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Весьма существенно, однако, понять творчество Есенина в его идейном и художественном развитии. А конкретный анализ произведений поэта показывает, что линия идейно-художественного развития Есенина шла вверх, а не вниз.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 133.

Поэт искренно восхищен новой, советской юностью русских деревень. С хорошей завистью пишет он о первых деревенских комсомольцах начала двадцатых годов. Он хочет занять свое место труженика и певца в великой Стране Советов:

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном,—
В великих штатах СССР.

Стихи Есенина проникнуты любовью к людям. С большой теплотой рисует поэт образ веселого, удалого деревенского парня с заломленной кепкой, добродушного и открытого. Вот он идет по долине:

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать.

У него одно желание:

Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

И так же, как героев Кольцова, его разбирает зуд показать свою силушку: «Раззудись плечо, размахнись рука»,— писал Кольцов.

А у Есенина:

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл.

Но образ есенинского лирического героя порою двоится. Он может быть не только обаятелен, но и отталкивающе жалок. Таков герой стихов, породивших в свое время недобрую славу Есенину. Это прежде всего относится к циклу «Москва кабацкая» (1924), где в некоторых стихотворениях воспевается чуждая и враждебная советскому человеку богемщина, грубая чувственность. Упадочное и богемное проникало в поэзию Есенина под известным влиянием буржуазно-декадентской имажинистской среды.

Однако следует иметь в виду, что Есенин решительно восставал против теории «искусства для искусства» и формалистического словесного штукарства имажинистов. Так, например, в статье «Быт и искусство», опубликованной весной 1921 года, он высту-

пил против «теорий» имажинистов Мариенгофа и Шершеневича. Поэт писал: «Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство Вне всяких влияний жизни и ее уклада... Но, да простят мне мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный... У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния» [1].

Надо признать, что оценка, данная Есениным имажинистам в 1921 году, была достаточно ясной и определенной. Имажинисты были формалистами, космополитами, людьми, совершенно чуждыми традициям классической русской литературы А этого никак нельзя сказать про Есенина, кровно связанного с родной страной и родной литературой.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

И все же временная связь Есенина с группкой имажинистов, хотя и носила преимущественно бытовой характер, оказала вредное идеологическое воздействие на поэта, а элементы вычурной, формалистической образности, которую культивировали имажинисты, проникли в некоторые стихи Есенина («Инония», «Кобыльи корабли» и другие).

Другим проявлением старого — уже не богемно-городского, а патриархально-деревенского — в лирике Есенина был его протест против города. В некоторых стихах Есенина своеобразно преломились слабость и противоречия той деревни, которая отходила в прошлое. Ограниченность мировоззрения поэта, зависимость от чужеродных влияний не позволяли ему порою отчетливо увидеть и понять, что эти противоречия снимались советской действительностью в процессе исторического развития. Сказанное относится и к поэме «Сорокоуст» (1920), полной пылкого возмущения «железным гостем», якобы протянувшим свои хищные лапы к беззащитной соломенной деревне. Возмущение это родило удивительный по своей выразительности поэтический образ беспомощного тонконогого жеребенка:

---

[1] Журнал «Знамя», 1921, № 9.

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Этот образ сам по себе действительно очень трогателен. Кто не видел из окна поезда, проносящегося мимо какого-либо мирного пастбища, таких спугнутых грохотом колес жеребят! Есенин придал этому зрелищу поэтическое выражение и вложил в него глубокое, человеческое сочувствие к слабому. В одном из своих писем лета 1920 года Есенин рисовал такую сценку: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок, так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много» [1].

Но образ «побежденного» жеребенка в «Сорокоусте» имеет еще и иносказательное значение, согласиться с которым нельзя. В «Сорокоусте» город выступает в образе некоего железного чудища, угнетающего мужика, хотя поэма эта была написана в те годы, когда хозяином городов в России стал рабочий класс — друг и брат трудящихся крестьян.

Однако противоречия поэзии Есенина вовсе не были неизменными, постоянными. Вместе с идейным ростом поэта исчезают из его стихов мотивы патриархальной романтики и машиноборчества. Исчезает и воспевание богемы. Уже не Русь уходящую, а Русь советскую хочет изображать Есенин. В стихотворении «Неуютная жидкая лунность» он писал:

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Об этом поэт заявлял и раньше, еще за два-три года до названного стихотворения, в своих публицистических статьях. Например, в 1923 году в «Известиях» он писал: «...я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в своих поэмах, я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве» [2].

[1] Цитируется по автографу.
[2] Газета «Известия» от 22 августа 1923 года.

4

О Есенине можно сказать более чем о ком-либо другом, что он «лирик по самой строчечной сути». Это значит, что и общественные и личные интересы, представления и переживания выражены у Есенина через свое «я», то есть через образ лирического героя, вырастающий как нечто целое из многих стихов и поэм. Есенин создавал произведения и эпического и публицистического плана. Но главное у Есенина — лирика. Здесь его стихия. Здесь он выразил себя как художника наиболее полно и глубоко. Лирику Есенина, искреннюю и задушевную, давно полюбил читатель.

Лирический талант Есенина особенно глубоко и многосторонне раскрывается в изображениях нашей природы с ее березовыми рощами и белыми липами, бескрайными равнинами и снежной замятью. Есенин — мастер пейзажной живописи. С полным правом мы можем назвать его певцом русской природы.

Через картины природы Есенин умеет показать жизнь и настроение человека. Вот, например, лирический пейзаж накануне зимы: «Нивы сжаты, рощи голы, от воды туман и сырость», «дремлет взрытая дорога», «совсем-совсем немного ждать зимы седой осталось». Это дни поздней осени, когда кончились полевые работы. И Есенин передает своими, особыми, метафорами эту осеннюю пору, столь знакомую деревенскому жителю и так много говорящую его уму и сердцу. Поэт говорит: «К о л е с о м за сини горы солнце тихое скатилось». И сам поэт в чаще звонкой «увидал вчера в тумане: рыжий месяц ж е р е б е н к о м запрягался в наши сани». И солнце и луну Есенин свел с неба на землю, приобщил их к деревенским радостям.

Многие лирические стихи Есенина невольно заражают «половодьем чувств». В стихотворении «Ответ» (1924) Есенин писал:

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Душа Есенина полна любви к жизни и ко всему живому на земле. Эта любовь распространяется у поэта и на животных. Горький говорил, что, по его мнению, никто, кроме Есенина, не

умел с такой любовью писать о животных. А его «Песнь о собаке», где изображена собака, у которой утопили щенят, Горький назвал «замечательной».

Есенин умеет (не во всех, но в лучших своих лирических стихах) показать красоту любви и чистых отношений юноши к девушке, показать прелесть дружбы, основанной на уважении к подруге, на восхищении ею. Вот, например, образ русской девушки, нарисованный Есениным в одном из его ранних стихов:

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Поэт находит чудесные слова для характеристики своей подруги, у которой «остался в складках смятой шали запах меда от невинных рук». Читатель встретит у Есенина и другие стихи, где проскальзывает не такое человечное, а порой даже чувственное, неглубокое отношение к женщине. Но не это определяет главное в любовной лирике Есенина. Главное — это восхищение красотой и поэзией. Этим пронизан весь цикл «Персидских мотивов», созданный Есениным в последние два года жизни.

Поэт умеет тонко передать и всю атмосферу любовного томления, как чего-то светлого, поэтического, когда и май — «синий», и теплынь на заре, и не звякнет кольцо у калитки, и черемуха в белой накидке:

Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Поэзия Есенина — и это составляет самую сильную ее сторону — наполнена сыновней любовью к родине. Эта любовь была неиссякаемым источником вдохновения поэта. Можно привести сотни строк, посвященных Есениным России, и почти в каждом его произведении читатель сумеет почувствовать эту любовь поэта к отчизне.

В «Персидских мотивах» поэзия красоты полуденного, «шафранного края», края роз и цветов, поэзия любви к незнакомой девушке Шаганэ мягко и глубоко окрашена никогда не покидающей Есенина думой о родных полях.

Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

И в другом стихотворении «В Хороссане есть такие двери, где обсыпан розами порог», поэт с силой восклицает:

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь?
Из любви к родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Русь.

Эти и подобные им стихи всегда найдут в душе советского читателя живой и сочувственный отклик.

5

Советская поэзия неизменно отражала новые явления самой жизни, рост в народе социалистического сознания. Трудовые подвиги народа, руководимого Коммунистической партией, пафос грандиозной борьбы со старым миром, романтика великих замыслов, реальная поэзия самой жизни вдохновляли советских поэтов. Именно так рождалась новая политическая лирика Маяковского, Демьяна Бедного и комсомольских поэтов, рождались романтические образы бойцов революции у Н. Тихонова.

Новый опыт жизни по-своему, как мы сказали, осваивал и Есенин. Вначале он вкладывал свое понимание и чувство нового в формы условные, мифологические, книжно-литературные. Например, одну из его ранних поэм о революции «Пришествие» (1918) совершенно погубила религиозно-мистическая орнаментика. Но поэт настойчиво брался за историко-революционные темы, искал формы и жанры для изображения революционной нови. Одним из наиболее значительных и своеобразных произведений Есенина на историко-революционную тему была поэма «Пугачев» (1921).

Интерес к вождям народных крестьянских восстаний — Болотникову, Степану Разину, Булавину, Пугачеву — характерен для советской литературы на всем протяжении ее развития. В произведениях первых пооктябрьских лет в этой теме нередко находила выход поэтизация стихийного народного бунтарства против угнетателей (пример — поэма Василия Каменского «Стенька Разин», 1918).

Драматическая поэма Есенина «Пугачев» посвящена революционной вольнице, поднявшейся на богачей и притеснителей. В первом варианте поэма называлась «Поэмой о великом походе Емельяна Пугачева». Однако в ней нет реальных картин

крестьянского восстания XVIII века. Есенин подошел к Пугачеву и его сподвижникам не как художник-историк, стремящийся в образах показать движущие силы истории, а как лирический поэт. Лирическое, а не эпическое решение темы нашло в свою очередь выражение во всем строе поэмы, в ее поистине буйной образности при изображении личной трагедии Пугачева, символизирующей трагедию неудавшегося крестьянского восстания.

Образ Пугачева у Есенина одухотворен любовью к простым людям, к тем, кто живет в бедности, нищете, непосильном труде. Но вождь повстанцев, зовущий вытащить из сапог ножи и всадить их в барские лопатки, в то же время в изображении Есенина полон безотчетной грусти и какого-то предчувствия своей гибели. Он произносит лирические монологи о своей юности, о том, что его былые друзья, решившие теперь погубить его, чтобы спасти себя, сами того не понимают, что их подкупила осень, «злая и подлая оборванная старуха». Это она «хочет, чтоб сгибла родная страна под ее невеселой холодной улыбкой».

Господство субъективно-лирического начала сказалось и на художественной ткани поэмы. Порою ее образность кажется рассудочной и даже надуманной (например, «клещи рассвета в небесах из пасти темноты выдергивают звезды, словно зубы»), хотя чаще она служит созданию того слитного настроения тревоги, гнева, злобы, нежности и любви, которыми проникнута поэма.

В период работы над «Пугачевым» Есенин находился под воздействием двух противоположных влияний. Одно — вредное — шло от имажинистов, которые тянули поэта в сторону вычурной образности. Другое — здоровое устремление — внушалось поэту самой советской действительностью. Есенину была близка правда народной борьбы. И он умел говорить о ней сильно и просто, без излишних метафорических узоров. Так, например, в обнаруженном нами варианте неопубликованной шестой главы «Пугачева» есть такой монолог вождя крестьянских повстанцев, обращенный к его соратникам:

Я, законный хозяин страны Российской,
Как бездомная собака бродил по земле.
Всем известно, что с первых же дней к мужику,
Лишь взойдя на престол, я струил свою милость.
Знал я, знал, что крестьянскую Русь
Чтут дворяне за скот иль еще того хуже.
Что над всеми пространствами тяжкая грусть
Свищет, как ветер декабрьской стужи.

И решил я, решил я, решил я тогда
Круто взять над дворянами правительственные вожжи,
Эти пастбища — отдать тем, кто сеет их рожью.
Я постиг, я постиг: чтоб страна расцвела,
Надо волю мужицкую вместе с солнцем числить,
Но не счесть вам коварства, не вымерить зла,
Что чинили мне дворяне за эти мысли.
. . . . . .
Так крошите ж, губите и рушьте на части
Все, что пахнет, как падалью, этими стервами.
Зарубите на носах, что в своем государстве
Вы должны не последними быть, а первыми [1].

Такие стихи Есенина, обнажавшие классовый, социальный смысл пугачевского восстания вызывали отпор и раздражение буржуазных декадентов, подвизавшихся в те годы в литературе.

«Пугачев» — лирическое произведение, сильное глубиной вложенного в него чувства. Недаром чтение поэмы Есениным произвело огромное впечатление на А. М. Горького. И все же, отдавая должное лирическому содержанию поэмы, мы не можем не отметить слабости ее исторической основы. Эпический размах событий, их социальное значение, героический пафос народного восстания, заставившего дрожать екатерининский трон и дворянство, не нашли надлежащего отражения в поэме. Осознание героики народно-освободительной борьбы пришло к Есенину позже, вместе с его идейным ростом.

Для истории советской поэзии примечательно обращение многих поэтов в первые пооктябрьские годы, то есть в годы становления советской литературы — к фольклору, и особенно к народной частушке. Это было одним из проявлений поворота поэзии к темам народной жизни. Фольклор городской окраины А. Блок широко использовал в своей поэме «Двенадцать». Частушечные, фольклорные, мотивы используются Маяковским в его многих пооктябрьских произведениях, в частности в «Мистерии Буфф», «150 000 000» и ряде других. Маяковский гордился тем, что его строки: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй»,— стали народной частушкой, пошли в народ.

Поэтика частушки с ее характерным параллелизмом двух образных рядов и образованием глагольных форм от имен собственных (чаще всего в сатирических целях) типична и для многих произведений Демьяна Бедного, особенно первых советских лет. Так, к примеру в его песенке «Страдания следователя по кор-

[1] Из архива Г. А. Бениславской.

ниловскому (только ли?) делу» говорится: «То корнилится, то мне керится, будет вправду ль суд,— мне не верится».

Опыт использования советскими поэтами лексики, композиции и изобразительных средств устной народной поэзии и в частности народной частушки — нашел отражение и в поэзии Есенина. В его «Песне о великом походе» наряду с употреблением частушечного параллелизма мы встречаем тот же прием сатирического образования глагола от имени собственного:

Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.

«Песнь о великом походе» написана в стиле народных сказов. Первый сказ — о давних временах Петра Великого, о строительстве Питерграда. Второй — посвящен изображению гражданской войны. Между обоими сказами есть внутренняя связь. Петру Первому, построившему свою столицу на костях согнанных на болото крестьян, снится «сгибший трудовой народ». Эти люди грозят, что они еще вернутся, чтобы отомстить царям:

Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить,
Лишь рабочий люд.

Через двести лет в «снеговой октябрь» свершилась мечта народная и город перешел в руки трудящихся. Но помещики, генералы и офицеры пошли войной на советскую власть, и народ встал на ее защиту.

Народный лагерь в этой поэме представлен, как лагерь трудового люда, бедноты. Люди в «красном стане» — это мужики, солдаты, вернувшиеся с фронтов империалистической войны. Глядя на спящих перед боем красноармейцев, поэт с любовью восклицает:

Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

Люди в кожаных куртках (распространенный в те годы образ пролетария-коммуниста) — это питерские рабочие. Поэт говорит

о них с большой любовью и показывает, что они ведут за собой весь народ («в куртках кожаных, кто за бедный люд»).

О врагах трудящегося люда сказано коротко и броско:.

В стане белых ржут,
Валят сельский скот
И под водку жрут.

В «Песне о великом походе» хорошо передана атмосфера народной войны против эксплуататоров.

6

Наряду со многими советскими поэтами — Маяковским, Тихоновым, Полетаевым, Казиным, Жаровым и другими — Есенин с большой любовью берется за создание поэтического образа Ленина. Дважды обращается он к образу великого вождя трудящихся. В 1924 году, откликаясь на кончину Владимира Ильича, Есенин в незавершенной поэме «Гуляй поле» делает первую попытку выразить свое отношение к Ленину и запечатлеть поэтическими средствами его облик.

Поэт говорит здесь об исключительной ленинской человечности и в то же время признается в своем непонимании исторического значения Ленина:

Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

«Позор церквей!» — вот как обернулась прежняя религиозная «мифология» Есенина. И поэт с верой в правду новой жизни говорит далее, что Ленин своим «мощным словом повел народ к истокам новым».

Его уж нет. А те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

В другом стихотворении о Ленине — «Капитан земли»,— написанном в 1925 году, поэт говорит, что счастлив тем,

Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил,

и сравнивает Ленина с рулевым большого корабля: «Вся партия — его матросы». Словно сознавая свою недостаточную подготовленность, чтобы писать о Ленине, Есенин говорит:

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Есенин подошел к решению своей трудной поэтической задачи опять-таки лирически. Подкупает сердечность его отношения к Ленину. «Наш строгий отец Ильич»,— по-сыновьи назвал Ленина поэт в «Балладе о двадцати шести» (1924), являющейся одним из памятников советской революционно-героической поэзии.

Баллада как повествовательный поэтический жанр привлекла в начальные годы советской литературы внимание многих советских поэтов. Сюжетность, романтическая интонация, чеканность ритмической и строфической структуры — все это помогало воплотить в балладе, как в поэтической форме, героическое начало революционной борьбы.

Все эти черты есть и в балладе Есенина, посвященной двадцати шести бакинским комиссарам, поэме героического содержания, воспевающей бессмертный подвиг бойцов революции, поэме, в которой все грани, а отсюда и образный строй и ритмика — ясны, четки, ударны.

Ритмика и образность поэмы подчеркивают ее героический летописный стиль:

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.

Песни, баллады и другие произведения Есенина в эпическом жанре при жизни поэта не встретили признания критики. Есе-

нину часто мешали осваивать революционную тему. Это отмечалось еще и в то время. Так, например, Н. Асеев на одном из диспутов 1926 года говорил: «Когда Есенин пытался перейти к мотивам революции, когда он заговаривал о Карле Марксе, ему кричали, что он сворачивает со своей дороги, изменяет самому себе и так далее. Его словно заставляли петь о том, от чего он сам хотел уйти» [1]. Одним из методов борьбы вражеских элементов в литературе в те годы было сознательное принижение таких произведений Есенина, в которых революционная новь находила непосредственное выражение в сюжете, в материале, в образах.

Есенин умел и хотел учиться у самой жизни. Во всех автобиографиях поэт отмечает свои многочисленные поездки по стране. Он исколесил Россию вдоль и поперек, побывал в Мурманске, Соловках, Архангельске, Ташкенте. Работая над поэмой «Пугачев», Есенин ездил в Оренбургскую степь. Цикл стихов «Персидские мотивы» связан с его поездкой в Закавказье. Побывал Есенин и на Украине и в Крыму, постоянно был связан со своей родной деревней Константиново.

В стихах Есенина преломился широкий круг впечатлений, почерпнутых во всех концах нашей родины, до дна взволнованной революцией. Общение с родной страной, с ее людьми было школой, которая воспитывала Есенина.

Наиболее значительным его произведением эпически-повествовательного характера бесспорно является поэма «Анна Снегина» (1925).

«Анна Снегина», которую сам поэт относил к своим лучшим произведениям, посвящена изображению деревни в период между февральской и Октябрьской революциями. В поэме нашел отображение тот небольшой отрезок времени (лето 1917 года), когда еще существовали помещичьи имения, но в деревне уже бурлила нарастающая социалистическая революция, в крестьянское сознание глубоко проникли большевистские лозунги: вся власть рабочим и крестьянам, за передачу крестьянам помещичьих земель, за прекращение войны.

В то же время сюжет поэмы включает и рассказ о любви героя поэмы к дочери соседнего помещика Анне Снегиной. Повествование ведется от лица молодого крестьянина, ставшего интеллигентом, поэтом и вернувшегося к себе в деревню. Лирическое и эпическое начала слиты в поэме в высшей степени есте-

[1] Газета «Вечерняя Москва» от 21 декабря 1926 года.

ственно, придавая ей тон задушевного и правдивого рассказа. Именно такой аспект темы позволил Есенину показать и жизнь в ее разных гранях, и разных людей, и свои чувства, и настроения. Хорошо найдена поэтом простая повествовательная форма:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.

В этой поэме Есенин показал себя мастером диалога. В словарь поэмы, летописно простой и выразительный, введены выражения, характеризующие отдельных героев и передающие колорит времени. Так, например, возница говорит: «Позволь, гражданин, на чаишко». В авторской же речи, наоборот, мы встречаем лексику газет того времени. Например: «Тогда над страною калифствовал Керенский на белом коне», или «И ту же сермяжную рать прохвосты и дармоеды сгоняли на фронт умирать». Поэма проникнута пафосом мира, протестом против бессмысленной империалистической войны:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

И в то же время в поэме отчетливо выражено сознание того, что пришла пора посчитаться с помещиками, этими вековечными захребетниками народа, и забрать у них землю.

Особенно значительна сцена, которая рисует беседу героя поэмы с крестьянами. Земляки спрашивают поэта: «Отойдут ли крестьянам без выкупа пашни господ?», спрашивают о том, что делается в столице и кто такой Ленин. На этот последний вопрос поэт тихо ответил: «Он — вы».

Одновременно в поэме развивается и другая линия повествования — лирическая: автор рассказывает о том, как поэт встретился с Анной, как что-то похожее на прежнее чувство вспыхнуло у них, но как события гражданской войны (муж Анны — офицер — был убит, а сама Анна эмигрировала за границу) поло-

жили конец этому неразвившемуся чувству, оставив только грустное воспоминание о нем.

Трудно сказать, что лучше в этой поэме — лирические или эпические страницы, картины классовой борьбы, сцены ли деревенской жизни, охоты, пейзажи, изображение тревожной и взволнованной атмосферы тех лет.

Отмечая черты нового в тематике и в идейном содержании поэзии Есенина после Октября, нельзя пройти мимо и такой ее особенности: певец Руси и всего русского, национального, Есенин никогда и нигде не трактовал эту тему в духе исключительности. Он не противопоставлял русских другим народам России. Поэт писал еще в 1917 году: «Край мой! Любимая Русь и мордва!»

Позже, в 1924 году, в небольшой поэме «На Кавказе», перечисляя русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, чьи судьбы были так тесно связаны с Кавказом, Есенин восклицал: «Ты научи мой русский стих кизиловым струиться соком».

В стихотворении «Поэтам Грузии» (1924) Есенин говорит о том, что русский самодержавный гнет раньше «сжимал все лучшее за горло». И вот теперь советская власть дала свободу всем племенам и наречиям России:

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Есенин утверждает в этих стихах, что будущий историк улыбнется, читая о националистической розни людей:

Века все смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется...

О себе же поэт писал:

Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

И он действительно серьезно учился у жизни, стремясь постигнуть революционную новь.

Идейно-художественный рост Есенина выражался, как мы уже отмечали, в стремлении ввести в поэзию революционные мотивы, сблизить свою лирику с живыми запросами советской действительности, в стремлении расширить диапазон своих изобрази-

тельных средств, освоить новые поэтические жанры. Сам Есенин ощущал себя, как поэт, всегда в творческих исканиях.

В стихотворении «Издатель славный» (1924) Есенин признавался, что порой «о многом неумело шептал бумаге карандаш», что иногда «душа спросонок хрипло пела»; тем не менее, обращаясь к читателю, к критике, он называл свой творческий опыт «смелым». Опыт Есенина как художника действительно может быть назван смелым по разнообразию и богатству приемов и языка.

7

Язык, изобразительные средства в стихах Есенина неоднородны. Разные в различных произведениях и в разные творческие периоды, они несут на себе печать внутренних противоречий есенинского творчества. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, поэтика Есенина самым убедительным образом показывает, что в своем главном направлении Есенин шел по пути реализма, опираясь на традиции классической русской литературы и фольклора.

Мы вправе выделить у Есенина по крайней мере несколько стилистических пластов, соответствующих различным тенденциям в художественных исканиях поэта. Словарный фонд Есенина богат и тесно связан с народной речью, в некоторых произведениях насыщен диалектизмами. Само обращение поэта с русским языком гибкое и свободное.

В ранних стихах Есенин привлекает для построения своих поэтических образов древние русские названия или диалектные выражения, связанные с охотой, рыбной ловлей, земледелием, воинским делом, бытовым обиходом.

Малоупотребительные или применяемые только в определенном кругу выражения служат созданию особого, тяготеющего к старине колорита. Есенин пишет: «Закурилася ковыльница подкопытною танагою», сравнивая танагу (отходы при тканье) со степною пылью. Он говорит о девушках: «кумачовые кумашницы», то есть одетые в кумашники, или ферези (старинные женские одежды).

Усеченные же на древний лад слова встречаются в стихах и более позднего периода, как, например, с к л е н ь, з в е н ь, л у н ь, ц в е т ь, с т ы н ь, с о н ь и т. п. Чаще всего эти слова ставятся в рифмующиеся окончания.

Художественная форма, стилистические средства лучших лирических и эпических произведений Есенина говорят о народной основе его поэзии, о богатстве красок, о силе вложенных в нее чувств.

Некоторые стилистические приемы Есенина связаны с романтизацией деревенской жизни и вообще со стремлением поэта выразить красоту сильного лирического чувства. Эти образы чаще всего носят зрительный, красочный характер. Есенин словно направляет на изображаемый предмет ярчайший спектр самых чистых и сильных тонов. Это свет его любви к миру. «Золотой» и «синий» — самые любимые цвета поэта. Золотой блеск переливается в его стихах: «Сердце — глыба з о л о т а я», «Эх ты, молодость, буйная молодость, з о л о т а я сорви-голова». Синее струится во всем: «май с и н и й», «несказанное, с и н е е, нежное...», «предрассветное, с и н е е, раннее...» «Воздух прозрачный и с и н и й» и т д.

В есенинской цветописи находит выход его «буйство глаз» и «половодье чувств», то есть взволнованное восприятие бытия и романтически приподнятое к нему отношение. Отсюда неожиданность, смелость многих красочных эпитетов у Есенина. Поэт говорит: «О Русь, м а л и н о в о е поле», или «р о з о в ы й конь», или «с и н е е счастье» и т. п.

Эта романтическая струя, если так ее можно назвать условно, занимает значительную долю в есенинской стилистике. С ней непосредственно связано влияние Гоголя, особенно «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбы».

Стилистические средства цветовой характеристики Есенин умеет использовать исключительно тонко для создания поэтического настроения:

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Цвет сопутствует воспоминаниям об ушедшей молодости. Цвет выражает любовь: «Заметался пожар голубой».

Народно-фольклорная струя в поэтике Есенина и в советский период занимает важнейшее место. Достаточно указать на такие стихотворения, как «Песня» (1925), «Клен ты мой опавший, клен заледенелый» (1925), «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело» (1925) и другие.

Тяготение не к отвлеченностям, намекам, туманным символам, многозначности, а к вещности и конкретности отличает поэтику Есенина.

Поэт создает свои эпитеты, метафоры, сравнения и образы. Но создает их по фольклорному принципу: он берет для построе-

ния образа материал из того же деревенского мира и из мира природы и стремится охарактеризовать одно существительное другим существительным.

Вот, например, образ луны. Поэт говорит: «Золотою лягушкой луна распласталась на тихой воде!. Или «Хорошо бы, на стог улыбаясь, мордой месяца сено жевать». Или в «Пугачеве»: «Луна, как желтый медведь, в мокрой траве ворочается» и так далее.

Лягушка, морда, медведь — все очень конкретно и сразу переносит в ту обстановку, которую в данном стихотворении описывает поэт.

Именно потому, что все кругом для Есенина свое, родное — и солнце, и облака, и березки, и песни, и люди,— он не только не ставит реальность на ходули или поэтические котурны, а, наоборот, высокое и далекое сводит на родную, близкую землю. У Есенина вечер золотой метелкой «расчищает путь», «синий сумрак бредет, как стадо овец» и так далее. А в одном из первых пооктябрьских стихотворений («Преображение» — 1918): «Солнце, как кошка, с небесной вербы лапкой золотою» трогает волосы поэта.

Наряду с фольклорным в поэтике Есенина явственно развивается так же то, что мы называем пушкинским началом. Оно близко и родственно традиции народной поэзии.

Поэзии Есенина присущи огромное дружелюбие к людям, правдивость, реализм чувств. Пушкин говорил: «Бегут за днями дни, и каждый миг уносит частицу бытия». После великого русского поэта, пожалуй, никто с такой силой не запечатлел в своей лирике эту поэзию вечного потока жизни, как это сумел выразить Есенин:

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Но если у Пушкина преобладало радостное, оптимистическое восприятие жизни, то поэзия Есенина, взятая в целом, грустна.

Однако есенинская лирика последних лет (это видно по «Персидским мотивам») словно очищается от мути прошлого и становится прозрачнее, проще и ближе к пушкинской традиции. А это находит, в свою очередь, выражение в форме стиха, в языке, в поэтике Есенина. Форма некоторых стихов Есенина приобретает ту ясность и простоту, которую нельзя не назвать классической.

В партийной печати не прошел незамеченным идейный и художественный рост Есенина. В 1924 году в рецензии на журнал «Красная новь» «Правда» отмечала: «Среди всех стихотворений невольное внимание читателя приковывают прекрасные стихи С. Есенина. После долгих и бурных исканий автор пришел к Пушкину. Его «На родине» и «Русь Советская» определенно навеяны великим поэтом: «Здравствуй, племя молодое, незнакомое...» Особенно замечательна по силе и вместе с тем удивительной простоте стиха «Русь Советская» [1].

Таковы черты, характеризующие главное направление в развитии языка и стиля Есенина. Анализируя его стилистическую систему, мы вправе прийти к такому выводу: Есенин вырос в традиции народного и классического русского стиха.

8

Оценивая литературное наследие Есенина в целом, мы не должны забывать, что его идейное и художественное развитие в сущности в самом начале было оборвано ранней смертью (самоубийством поэта 27 декабря 1925 года). В последние два-три года своей жизни, после заграничного путешествия, после отхода от прежней имажинистской, богемной среды Есенин «вернулся с ясной тягой к новому». Маяковский писал: «Я с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина от имажинизма к ВАППу... В последнее время у Есенина появилась даже какая-то явная симпатия к нам (лефовцам): он шел к Асееву, звонил по телефону мне, иногда просто старался попадаться» [2].

В этом также сказывалась внутренняя идейная эволюция Есенина. Поэт уходил от всего темного, богемного, грязного, что тянулось за ним от прошлых лет, липло к нему. Он готов был обрубить канаты, связывавшие его с «ветхим Адамом». Он смело брался за советские темы.

В этот период (1923—1925) Есенин завязывает новые дружеские связи со многими советскими писателями. Еще за границей он встречается с А. М. Горьким и А. Н. Толстым, который пишет статью о творчестве Есенина. В Москве Есенин сближается с

---

[1] Газета «Правда» от 24 октября 1924 года.

[2] В. Маяковский, Полное собр. соч. в двенадцати томах, М. 1941, т. 10, стр. 225.

Л. Леоновым, с В. Ивановым, Л. Сейфуллиной, Ю. Либединским и другими советскими писателями. Леонид Леонов писал о Есенине: «Крупнейший из поэтов современья... Сам мужик,— он нежно любил свою деревню, породившую его и показавшую его миру... Могучей творческой зарядкой был отмечен звонкий есенинский талант. Глубоко верю, что много еще мог бы сделать Сергей Есенин. Еще не иссякли творческие его соки, еще немного оставалось ждать, и снова брызнули б они из есенинских тайников, как по весне проступает светлый и сладкий сок на березовом надрезе» [1].

Да и сам поэт писал о себе в июне 1924 года: «...мне пока еще рано подводить какие-либо итоги себе. Жизнь моя и мое творчество еще впереди» [2].

В эти годы Есенин задумал писать роман из советской жизни, пьесу на современную тему. В одном из писем 1924 года он сообщал: «Потихонечку принимаюсь за большие работы. Вплоть до пьесы» [3].

Есенин намеревается выступить и в качестве литературного критика. Он начинает большую статью о советской литературе. От нее сохранился только набросок с анализом творчества Всеволода Иванова.

В этой статье Есенин писал: «За годы революции, когда был разрушен старый быт, а новый быт в вихре событий не мог еще народиться, художественное творчество в нашей стране было также вихревым и взрывчатым, как время революции... Те писатели и поэты, которые черпали свою силу в содержании старых укладов, оказались за рубежом и умолкли, а те, которые приняли революцию, пошли рядом с нею... Сейчас можно смело сказать, что в беллетристике мы имеем такие имена — Всеволода Иванова, Вячеслава Шишкова (и др.), которые действительно внесли вклад в русскую художественную литературу.

Про Всеволода Иванова писали достаточно как в русской, так и заграничной прессе. Его рассказ «Дите» переведен чуть ли не на все европейские языки и вызвал восторг даже у американских журналистов, которые литературу вообще считают, если она не ремесло, пустой забавой» [4].

---

[1] Журнал «30 дней», 1926, № 2.

[2] Неопубликованная автобиография, отдел рукописей ИМЛИ им. Горького АН СССР, ф. 130.

[3] ЦГЛА, ф. 190. Письмо Г. Бениславской.

[4] ЦГЛА, ф. 190.

Примечательна статья — отклик Есенина на смерть Брюсова (октябрь 1924 г.).

«После смерти Блока,— писал Есенин,— это такая утрата, что ее и выразить невозможно. Брюсов был в искусстве новатором... Сделав свое дело на поле поэзии, он последнее время был в роли арбитра среди сражающихся течений в литературе... Брюсов первый пошел с Октябрем, первый встал на позиции разрыва с русской интеллигенцией. Сам в себе зачеркнуть страницы старого бытия не всякий может. Брюсов это сделал» [1].

Маяковский писал, что в последний период своей жизни Есенин очень нуждался в дружеской поддержке. А. В. Луначарский, как нарком просвещения, неоднократно оказывал помощь Есенину. Дружескую, партийную поддержку поэт нашел во время своей поездки в Закавказье — в Центральном Комитете Коммунистической партии Азербайджана, которым тогда руководил С. М. Киров, в редакции «Бакинского рабочего». Пребывание в Баку оказало исключительно благополучное воздействие на поэта. Судьбой поэта заинтересовался С. М. Киров, которому Есенин, как свидетельствует тогдашний редактор «Бакинского рабочего» П. И. Чагин, читал свои стихи. Именно в этот «кавказский» период была написана поэма «Анна Снегина». Пребывание в Баку, встреча с С. М. Кировым вдохновляли Есенина на создание произведений, нужных народу. Уезжая из Баку весной 1925 года, поэт писал:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе.
И чувствую сильней простое слово: друг.

Ни стихи, ни самую судьбу Есенина нельзя понять, отвлекаясь от политической обстановки, сложившейся в те годы в стране, то есть отвлекаясь от жесточайшей классовой борьбы. В условиях временного оживления капиталистических элементов в период нэпа в литературе усиливается влияние буржуазной идеологии. Ряды литературных организаций были засорены случайными и чуждыми людьми, не брезгавшими никакими средствами для достижения хотя бы просто скандальной известности.

И на тот запашок тленного, упадочного, что проникло в поэзию Есенина, бросилось все, что было в литературной Москве гнилого, богемного, декадентского, чтобы захватить Есенина в

[1] Цитируется по рукописи.

свой лагерь и сказать: «Он наш». Даже после смерти Есенина его былые имажинистские «друзья» попытались учинить над ним расправу и изобразить его прожженным циником, декадентом, эпигоном и т. п. Именно в таком духе нарисовал «портрет» Есенина его ближайший имажинистский «друг» А. Мариенгоф в пошлейшей и клеветнической книжонке, названной словно в насмешку — «Роман без вранья» (1927).

Когда Есенин, наконец, понял (о чем он не раз писал своим друзьям) [1], кто такие имажинисты и в какую компанию он попал, поэт уже не мог высвободиться от облавы и бытового плена всевозможных прихлебателей и «друзей-могильщиков», окруживших его.

На этом фоне и в этой атмосфере родился у Есенина (в 1924 году) замысел поэмы «Черный человек». Сам образ Черного человека, видимо, навеян пушкинским «Моцартом и Сальери». И моцартовские слова из пушкинской драмы звучат как эпиграф к «Черному человеку»:

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду,
Как тень, он гонится.

Есенин вложил в поэму глубокое человеческое и социальное содержание. В ней — кульминация трагедии Есенина. Тут и недоумение, и боль, и ненависть, и испуг перед «черными» силами.

Образ Черного человека будит глубокое отвращение. Есенин сумел передать в поэме свою смертельную тревогу: он увидел, как близко все эти страшные, черные силы приблизились к его душе. И недаром Есенин те же цинические слова, какие Черный человек произносит в поэме, вложил в уста антипатриота, космополита в одном из набросков своей неоконченной пьесы «Страна негодяев».

Поэма оканчивается тем, что поэт бьет палкой Черного человека, но разбивает... зеркало. Символической концовкой Есенин, видимо, хотел сказать, что он полон неукротимого отвращения к этому воплощению человеческой гнуси и что он беззащитен перед ней. Да, так и оказалось в действительности.

В ноябре 1925 года Есенин лег в одну из московских больниц

---

[1] Например, в одном из писем от 20 октября 1924 года из Тифлиса в Москву Есенин писал, получив вырезки из газет: «Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко. Ни лебедя, ни гуся вода не мочит» (ЦГЛА, ф. 190).

лишь для того, чтобы избавиться от тяготившего его окружения. Затем он принимает решение переехать в Ленинград, собирается за границу к А. М. Горькому.

Но злая боль настигла поэта в его последнем убежище, и Есенина не стало. Вся обстановка смерти поэта, его предсмертное стихотворение, написанное кровью, шумиха, поднятая вокруг гибели Есенина его «друзьями» и недругами, могли быть использованы и действительно использовались в антиобщественных целях. Именно поэтому Маяковский выступил со своим стихотворением «Сергею Есенину», которое сразу приобрело широкую известность.

Но наряду с выступлением Маяковского следует вспомнить и выделить другой голос, прозвучавший тогда же в печати и давший весьма точную оценку тому, что произошло. Мы говорим о статье Бориса Лавренева «Казненный дегенератами» с ее эпиграфом из Лермонтова: «И вы не смоете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь». Борис Лавренев писал в этой своей статье:

«Трудно говорить перед лицом этой смерти, бесполезно сожалеть. Но не мешает вспомнить о том, что довело Есенина до такого конца, вернее о тех, кто набросил веревочную петлю на его шею.

Ситцевый деревенский мальчик, простодушный и наивный, приехавший в город наниматься на черные работы в Балтийском порту, он семимильными шагами пришел к такой славе, на какую сам никогда не рассчитывал и которая вскружила его бесшабашную, неустойчивую голову.

И к этой славе немедленно потянулись со всех сторон грязные лапы стервятников и паразитов. Растущую славу Есенина прочно захватили ошметки уничтоженной жизни, которым нужно было какое-нибудь большое и чистое имя, прикрываясь которым можно было удержаться лишний год на поверхности, лишний час поцарствовать на литературной сцене ценой скандала, грязи, похабства, ценой даже чужой жизни.

Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извертам, он был объявлен вождем школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, выплыли литературные шантажисты, которые не брезгали ничем и которые подуськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым, в связи с именем Есенина, упоминались и их ничтожные имена.

Не щадя своих репутаций, ради лишнего часа, они не пощадили репутации Есенина и не пощадили и его жизни» [1].

В этих словах, написанных почти три десятилетия назад, все верно от начала до конца за исключением «ситцевой наивности» Есенина.

* * *

А. М. Горький, вспоминая чтение Есениным его стихов и ту обстановку, в которой это происходило, писал о нем: «После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком. И еще более ощутима стала ненужность Кусикова с гитарой, Дункан с ее пляской, ненужность скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало своеобразно талантливого и законченно русского поэта» [2].

Поэтический талант Есенина слит с жизнью народа, и то, что проникало в душу Есенина от буржуазной культуры, все же не смогло изменить природы его таланта. Есенинская поэзия дышит запахом родных полей. Какую бы страницу его стихов мы не раскрыли, на каждой встретим живое свидетельство бесконечной любви поэта к нашей прекрасной родине, верным сыном которой он был.

Во многих лирических стихах (это относится и к «Персидским мотивам», которые по их гармонической простоте и изяществу можно сопоставить с «Подражанием Корану» Пушкина) Есенин подымается до вершин подлинной классической поэзии.

Сила есенинского таланта в том, что в нем неразрывно слиты — и человек и поэт. И через него мы как бы видим не только обычно сокрытую от взоров жизнь человеческой души, но и жизнь общества и самого времени.

К. Зелинский

---

[1] Вечерний выпуск «Красной газеты» от 30 декабря 1925 года.

[2] М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, М. 1952, т. 17, стр. 64.

1910

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца, ясная
Красавица весна.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу.
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнýв на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить..
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Исусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску. Идут скоморохи».

1911

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою змеею развилась ее коса.

«Ой, ты, парень синеглазый, не в обиду я скáжу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе,—
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

МОЯ ЖИЗНЬ

Будто жизнь на страданья моя обречена;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучена,
От тоски и от ран истомилася грудь.

Будто в жизни мне выпал страданья удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду — только слышатся вздохи да слезы,
Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю,
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

1912

* * *

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая с подтыками по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени, судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю,
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

ЧТО ПРОШЛО — НЕ ВЕРНУТЬ

Не вернуть мне ту ночку прохладную,
Не видать мне подруги своей,
Не слыхать мне ту песню отрадную,
Что в саду распевал соловей.

Унеслася та ночка весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подожди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди.

Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь,
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.

И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночкой прохладною пел.

Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остылые,
Что прошло — не вернуть никогда.

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на брусе.
Кто-то помолился: «Господи Исусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клети...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под росою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

1913

БЕРЕЗА

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

1914

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

ПАСХАЛЬНЫЙ БЛАГОВЕСТ

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Бледная луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни
Старая избушка,
Там перед иконой
Молится старушка.

Молится старушка,
Сына поминает,—
Сын в краю далеком
Родину спасает.

Молится старушка,
Утирает слезы,
А в глазах усталых,
Расцветают грезы.

Видит она поле,—
Это поле боя,
Сына видит в поле —
Павшего героя.

На груди широкой
Запеклася рана,
Сжали руки знамя
Вражеского стана.

И от счастья с горем
Вся она застыла,
Голову седую
На руки склонила.

И закрыли брови
Редкие сединки,
А из глаз, как бисер,
Сыплются слезинки.

ЯМЩИК

За ухабины степные
Мчусь я лентой пустырей.
Эй, вы, соколы родные,
Выносите поскорей!

Низкорослая слободка
В повечерешнем дыму.
Заждалась меня красотка
В чародейном терему.

Светит в темень позолотой
Размалевана дуга.
Ой, вы, санки-самолеты,
Пуховитые снега!

Звоны резки, звоны гулки,
Бубенцам в шлее не счет.
А как гаркну на прогулке,
Выбегает весь народ.

Выйдут парни, выйдут девки
Славить зимни вечера,
Голосатые запевки
Не смолкают до утра.

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик,
Расплела волна венок из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора,—
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой,—
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

* * *

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

* * *

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

* * *

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

* * *

Шел господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,—
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел господь, скрывая скорбь и муку
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

* * *

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали,— догони!

Над зелеными пригорками
Развевалися платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальние деньки.

* * *

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

* * *

Я — пастух; мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росою тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль.
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам —
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтирь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

* * *

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы веретенца —
Богомолки идут на канон.

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошеный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом.
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

* * *

Черная, потом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не любить.

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей.
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слухают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!

1915

«УЗОРЫ»

Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых — красные цветы.

Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный — принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.

Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локон впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые
Что кудри завила.

Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.

И кисточки атласные
Под жемчугом росы
Горят, как серьги ясные
У девицы-красы.

А рядом, у проталинки,
В траве между корней
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черемуха душистая
Развесившись стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В этот лес завороженный,
По пушинкам серебра,
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.

По дорожке чистой, гладкой
Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?

Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше — лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.

Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.

Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу.

* * *

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.

Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся — далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.

Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.

И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

ДЕВИЧНИК

Я надену красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой подружкой.

Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.

Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической чести.

Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает стужа.
Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да без мужа.

ВЕЧЕР

На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.

По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.

Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.

Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

* * *

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьмою —
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

* * *

На небесном синем блюде
Желтых туч медовый дым.
Грезит ночь. Уснули люди,
Только я тоской томим.

Облаками перекрещен,
Сладкий дым вдыхает бор.
За кольцо небесных трещин
Тянет пальцы косогор.

На болоте крячет цапля,
Четко хлюпает вода,
А из туч глядит, как капля,
Одинокая звезда.

Я хотел бы в мутном дыме
Той звездой поджечь леса
И погинуть вместе с ними,
Как зарница — в небеса.

* * *

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко ледащий:
«Спаси, господи, люди твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

На коне — черной тучице в санках
Билось пламя-шлея... синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

ПОБИРУШКА

Плачет девочка-малютка у окна больших хором,
А в хоромах смех веселый так и льется серебром.
Плачет девочка, и стынет на ветру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает капли слез.

Со слезами она просит хлеба черствого кусок,
От обиды и волненья замирает голосок.
Но в хоромах этот голос заглушает шум утех,
И стоит малютка, плачет под веселый, резвый смех.

* * *

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу —
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

* * *

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь попрежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи,
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

КОРОВА

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок,
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом свее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

ТАБУН

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями златой налет со дней.

С бугра высокого в синеющий залив
Упала смоль качающихся грив.

Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой.

Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут новый день.

*

Весенний день звенит над конским ухом
С приветливым желаньем к первым мухам

Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.

Все резче звон, прилипший на копытах,
То тонет в воздухе, то виснет на ракитах.

И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.

*

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

* * *

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

* * *

Нощь, и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь пóмином тишь
Из запечья пугливая мышь.

ПРОПАВШИЙ МЕСЯЦ

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.

Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло, —
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло,—
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к небу глаза подняло
И сказало:
«Тяжек мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося —
месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

* * *

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы —
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

1916

* * *

Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер над куканом
Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких ветел
Перепельи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.

Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохом.

* * *

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,—
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым,
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири
И горб Уральского хребта.

ОСЕНЬ

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

* * *

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору.
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленый лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

* * *

О товарищах веселых,
О полях посеребренных
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовой ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

* * *

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

* * *

За горами, за желтыми до́лами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес, и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь,
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

* * *

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав.
Не заворожит, не обманет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине,—
Я по тебе в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

МОЛОТЬБА

Вышел зàраня дед
На гумно молотить:
«Выходи-ка, сосед,
Старику подсобить».

Положили гурьбой
Золотые снопы.
На гумне вперебой
Зазвенели цепы.

И ворочает дед
Немолоченый край:
«Постучи-ка, сосед,
Выбивай коровай».

И под сильной рукой
Вылетает зерно.
Тут и солод с мукой
И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой
Эта доля дана.
Тучен колос сухой —
Будет брага хмельна.

* * *

За рекой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни.

Плачет леший у сосны —
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны.

А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.

Кому горе, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех.

ДЕД

Сухлым войлоком по стежкам
Разрыхлел в траве помет.
У гумен к репейным брошкам
Липнет муший хоровод.

Старый дед, согнувши спину,
Чистит вытоптанный ток
И подонную мякину
Загребает в уголок.

Щурясь к облачному глазу,
Подсекает он лопух,
Роет скрябкою по пазу
От дождей обходный круг.

Черепки в огне червонца.
Дед — как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде.

ПОМИНКИ

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег белеется коливо —
На помин небесным птахам пища.

Тянут галки рис с могилок постный,
Вяжут нищие над сумками бечевки.
Причитают матери и крестны,
Голосят невестки и золовки.

По камням, над толстым слоем пыли,
Вьется хмель, запутанный и клейкий.
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.

Под черед за скромным подаяньем
Ищут странницы отпетую могилу,
И поет дьячок за поминаньем:
«Раб усопших, господи, помилуй».

* * *

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Громко звенит за селом корогод,
Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу не люб;

Кольца кудрей твоих ветрами жжет,
Гребень мой вострый другой бережет».

Знаю, чем чужд ей и чем я не мил:
Меньше плясал я и меньше всех пил.

Кротко я с грустью стоял у стены:
Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше стыда,
В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в жгучее пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак.

Маком влюбленное сердце цветет...
Эх, да не мне она песни поет.

* * *

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена.
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи
Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Может быть, склоняяся к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменила.

Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет.

* * *

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна — как в белой зыбке.

Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, тёрпкий,
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит бритву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

* * *

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки лесса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлетсть в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

* * *

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе.
Я проводил тебя до рощи
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

* * *

Прощай, родная пуща,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

* * *

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

Край ты, край мой родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Волга под ивой,
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожди
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

* * *

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо, словно вымя,
Звезды, как сосцы.
Пухнет божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы — дни.

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

ЛИСИЦА

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощурь сочилась тихо кровь.

1917

* * *

Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос.

Край мой! Любимая Русь и мордва!
Притчею мглы ты, как прежде, жива.
Нежно под трепетом ангельских крыл
Звонят кресты безыменных могил.

Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.

Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой рядинне
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его сердний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол,
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить, и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

* * *

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

* * *

Небо ли такое белое,
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Береговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно — Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит,
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних ракит.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

* * *

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух —
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

* * *

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих златых коров.

* * *

О, верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О, верю, верю, счастье есть!

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье,
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

* * *

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил.

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других,
Но все так же день взойдет с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа.
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат...
Или, Или, Лима Савахвани,
Отпусти в закат.

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

* * *

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И сбирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

* * *

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю.
Будет злобно крутить пороша,
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

1918

* * *

Заметает пурга
Белый путь.
Хочет в мягких снегах
Потонуть.
Ветер резвый уснул
На пути,—
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.
Забежала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.
Гей, вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!
Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.
Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.
Утром ворон к березоньке —
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

* * *

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил — печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вздохнувши глубко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

* * *

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь.
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

* * *

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак, как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть.
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость —
Все любя, ничего не желать?

КАНТАТА

Спите, любимые братья!
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

1919

* * *

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.

* * *

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Неживые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

* * *

И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложно-классическая Русь.

Не огражу мой тихий кров
От радости над умираньем,
Но жаль мне, жаль отдать страданью
Езекиильский глас ветров.

Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй сребристых окуней.

* * *

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица.
Люблю, когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев —
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови — степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветр,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1920

* * *

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

1921

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

* * *

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого, что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого, что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

* * *

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

* * *

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

1923

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом,
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь,
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

* * *

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан:
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонкой касаться руки
И волос твоих, цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу — там ли, здесь ли, где-то ль,—
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну, что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок!

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

* * *

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком,
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже,—
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная громкая брань.

И любовь не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы, как жесть.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвесть.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

* * *

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,—
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервь!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед,—
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжко
Ковылять из притона в притон,—
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умеряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под-микитки дубасить рожь».

1924

* * *

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли —
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю на ощупь:
Едем... кони... кони... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!» —
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой
тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.

И заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли —
Синие твои глаза в кабаках промокли».

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж —
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я попрежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе —
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

* * *

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств —
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые серењким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь, да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видение поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,—
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

Персидские мотивы
1924—1925

* * *

Улеглась моя былая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоем саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю:
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле.
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь.

Ты сказала, что в коране
Говорится — месть врагу.
Ну, а я ведь из Рязани,
Знать тех строчек не могу.

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя
И хоть прошлой жизни не кляну.
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

* * *

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотылькорый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце.
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет твоя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом — в цветенье диком.
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох, иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери
Тихий, как флейта Гассана,
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

* * *

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травою.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом —
И тебя блаженством ошафранит.

Жить — так жить, любить — так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада,—
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь?
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь?
Из любви к родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

* * *

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну, и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

* * *

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить —
Догореть ли в ласках милой Шаги,
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

* * *

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана»,—

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завысив.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...
Сердце песнь, а песне жизнь и тело».
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.
. . . . . .
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

* * *

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья...
Глупое сердце, не бейся!

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрою укроюсь.
Глупое сердце, не бейся!

Все мы порою как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся!

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду.
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся!

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся!

* * *

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а, может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

* * *

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты ребенок — в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

1925

БАТУМ

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль,
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра,
Из Марселя
Приплывет
Луиза иль Жаннет,

О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе — нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький.
Может быть,
Мисс Метчел
Или Клод
Обо мне вспомянут
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи
Перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль, как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань:
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью
Слышен свист,—
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синеет
Весь Батум,
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.

Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань:
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде, ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру.
И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

* * *

Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя, поле безбрежное,
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что сталось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль — на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорви-голова!

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку,
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца,
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара, старая и, как песня, новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

* * *

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать — так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать,

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

* * *

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой,—
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
Жил и не жил бедный странник...
. . . . . .
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не смогу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

* * *

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе.
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

* * *

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для Той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный
Словно для Единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть — так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

* * *

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я — крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

* * *

Я иду долиной. На затылке кепи.
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синеет тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы,—
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —
Но косой выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках песня, в этих строчках слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Я ПОМНЮ

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос,
Нерадостно и нелегко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

* * *

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млел
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

* * *

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа, липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письмена.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык,—
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклися,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.
Ей чужая юность ничего не значит.
Ну, а если значит — проживет не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

* * *

Сестре Шурс

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село.
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

* * *

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду, иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.

Все прошло. Потерял я бабку.
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур.
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан
И ее золотистые косы
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко —
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

* * *

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
Вдалеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи,—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложишь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка!
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

* * *

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель — огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам? —
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться,
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал —
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

* * *

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца, как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый —
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей —
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал,
И, улыбаясь, душой погас,—
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

* * *

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

* * *

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

* * *

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.
Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?
Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

* * *

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...
Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

* * *

Не криви улыбку, руки теребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

* * *

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи,—
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми.
Забивает крышу белыми гвоздьми.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

* * *

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму —
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

* * *

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
Я уже в ней и скачу далече.

О мое счастье и все удачи,
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет,
Значит удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

* * *

Цветы мне говорят — прощай!
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Ну, что ж, любимые,— ну, что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной, но дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая, с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

ЦВЕТЫ

I

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.
Любимые! Ну, что ж! ну, что ж!
Я видел вас, и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.
Ну, как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на ты.
Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда,
Шуми, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,
Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка — я на костер
Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами,
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.
Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,
Цветы — предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.
Они не те, что на земле.
Цветы рябин — другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! прости, прости,
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.
Неповторимы ты и я.
Помрем — за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.
Ну, что ж! пускай не увидать!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пеньем
Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?
О, милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.
Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?
Цветы людей и в солнь и стыть
Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире

То дело было в Октябре.
Цветы сражалися друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.
Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.
И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

* * *

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,—
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз,
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий,
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень,—
Мне в лице твоем снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь,—
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только не горевших не мани.

И, когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

* * *

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною сталось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе — холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман,—
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною сталось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей,—
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей..

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее двухтомное издание вошли почти все поэтические произведения С. Есенина, за исключением некоторых ранних стихотворений религиозного характера и нескольких стихотворений, которые сам поэт считал не характерными для своего творчества.

Тексты даются в последней авторской редакции, представленной в первых трех томах четырехтомного Собрания стихотворений С. Есенина (Гиз, М.— Л. 1926—1927), вышедшего посмертно. Принята также во внимание текстологическая работа, произведенная при подготовке к изданию четвертого тома Собрания стихотворений, а также «Избранного» С. Есенина (Гослитиздат, М. 1946), «Избранного» С. Есенина (Гослитиздат, М. 1952) и книги «С. Есенин. Стихотворения» (Малая серия «Библиотеки поэта», изд-во «Советский писатель», Л. 1953).

Стихотворение «Сорокоуст» печатается по прижизненному изданию С. Есенина — «Стихи (1920—1924)», изд-во «Круг», М.— Л. 1924, где автором были удалены отдельные, неудобные для печатания строки.

Как правило, сохранена авторская датировка, установленная для Собрания стихотворений, с учетом авторской датировки предшествующих публикаций. Нередко проставленные поэтом по памяти даты в разных изданиях не совпадают. Первопечатная датировка принята нами в таких случаях за наиболее достоверную.

В первый том настоящего издания вошли лирические стихотворения С. Есенина, во второй том — произведения лирико-эпического плана (автор называл их «маленькими поэмами»), баллады, поэмы, «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве».

Все произведения в пределах каждого тома расположены в последовательно хронологическом порядке.

1910

«Вот уж вечер. Роса...» (стр. 39).— Впервые опубликовано в I томе Собрания стихотворений С. Есенина, Гиз, М.— Л. 1926.

«Там, где капустные грядки...» (стр. 40).— Впервые в I томе Собрания стихотворений С. Есенина, Гиз, М.— Л. 1926.

«Поет зима — аукает...» (стр. 41).— Впервые в ежемесячном иллюстрированном детском журнале для семьи и начальной школы «Мирок», изд. И. Д. Сытина, М. 1914, № 2. Здесь начальные строки:

Пришла зима морозная,
Подула вьюга грозная,
Застынула река.

Исправлено автором в рукописи неизданной книжки для детей «Зарянка» (1916), хранящейся в Ленинградском институте литературы Академии наук СССР.

Подражание песне (стр. 42).— Впервые, без названия, в книге «Радуница», П. 1916. Здесь 2-я строка: «Колыхалися бусинки в зыбком пруду» и 5-я строка: «Мне хотелось в кулюканьи пенистых струй». Исправлено автором для I тома Собрания стихотворений, где дано и название.

Канон — церковная песнь.

«Выткался на озере алый свет зари...» (стр. 43).— В первоначальном варианте, опубликованном в журнале «Млечный путь», 1915, № 3, а также в «Ежемесячном журнале», 1915, № 8, и включенном в первое издание «Радуницы», после 4-й строфы следовало двустишие, опущенное в I томе Собрания стихотворений:

Не отнимут знахари. Не возьмет ведун.
Над твоими грезами я ведь сам колдун.

Ранее отсутствовавшая заключительная строфа введена в текст для I тома Собрания стихотворений.

«Дымом половодье...» (стр. 44).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916. 13-я строка: «Роща саламаткой» — исправлена для I тома Собрания стихотворений.

«Сыплет черемуха снегом...» (стр. 45).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1915, № 6.

В сборнике стихотворений и поэм С. Есенина «О России и Революции», изд-во «Современная Россия», 1925, 9-я строка: «Радугой тайные вести». Исправлено для I тома Собрания стихотворений.

Калики (стр. 46).— Впервые в журнале «Русская мысль», 1915, № 7.

Калики — странствующие нищие; паломники, распевающие духовные песни.

1911

«Под венком лесной ромашки...» (стр. 47).— Впервые опубликовано в I томе Собрания стихотворений, Гиз, М.— Л. 1926.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» (стр. 48).— Впервые, под названием «Танюша», в «Ежемесячном журнале», 1915, № 11.

«Темна ноченька, не спится...» (стр. 49).— Впервые в I томе Собрания стихотворений. В вечернем выпуске «Красной газеты», Л. 1926, № 139, 14 июня был опубликован автограф, хранившийся у поэта И. А. Белоусова. В этом автографе — четвертая строка первой строфы:

В темных волнах поясок —

и заключительная строфа:

Уведу тебя под склоны
В шелкопряные поля.
Ой ли, гусли-самозвоны,
Псалмопенья ковыля.

Исправлено автором для Собрания стихотворений.

Моя жизнь (стр. 50).— Впервые в журнале «Красная новь», 1926, № 9.

1912

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (стр. 51).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916. 9-я строка: «Вырос я до зрелости, внук купальной ночи», 11-я строка: «Да не любо молодцу счастье наготове» — исправлены автором для I тома Собрания стихотворений. Опущена также строфа перед заключительным двустишием:

Пусть бы меня хаяли, пусть бы все галдели,
Не спугнуть соколика на словах и деле.

Что прошло — не вернуть (стр. 52).— Впервые в журнале «Красная новь», 1926, № 9.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» (стр. 53).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» (стр. 54).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

1913

Береза (стр. 55).— Первое напечатанное в периодическом издании стихотворение С. Есенина. Опубликовано в иллюстрированном детском журнале «Мирок», 1914, № 1. Вырезка из журнала была включена поэтом в рукопись неизданной книжки для детей «Зарянка». Рукопись хранится в Ленинградском институте русской литературы Академии наук СССР. Перепечатывается впервые.

1914

Пороша (стр. 56).— Впервые в иллюстрированном детском журнале «Мирок», 1914, № 2.

Пасхальный благовест (стр. 57).— Впервые в журнале «Мирок», 1914, № 4.

С добрым утром! (стр. 58).— Впервые в журнале «Мирок», 1914, № 7.

Молитва матери (стр. 59).— Впервые в ежемесячном иллюстрированном журнале для детей среднего возраста «Проталинка», М. 1914, № 10.

Ямщик (стр. 61).— Впервые в вечернем выпуске «Красной газеты», Л. 1926, № 137, 14 июня.

«Зашумели над затоном тростники...» (стр. 62).— Впервые, под названием «Кручина», в литературно-художественном ежемесячнике «Млечный путь», М. 1915, № 2.

«Троицыно утро, утренний канон...» (стр. 63).— Впервые, под названием «Троица», в «Ежемесячном журнале», 1915, № 6.

В Собрании стихотворений автором не были включены пятая, шестая и седьмая строфы:

Нонче на закате с божьего крыльца
Стану к аналою подле молодца.

Батюшкина воля, матушкин приказ,
Горе да кручина повенчают нас.

Без любви погинет девичья краса.
Ах, развейтесь, кудри, обсекись, коса.

Третья строфа:

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы —

была написана поэтом для Собрания стихотворений.

«Край любимый! Сердцу снятся...» (стр. 64).— Первые издания «Радуницы» дают следующий вариант начальных стихов:

Край родной, поля, как святцы,
Рощи в венчиках иконных.

Перепечатано в альманахе «Весенний салон поэтов», изд-во «Зерна», М. 1918. Другой вариант — автограф из альбома поэта-суриковца И. В. Репина:

Край родной, тропарь из святцев
С криком сов неугомонных.

Окончательная редакция в сборнике «Радуница», изд-во «Имажинисты», М. 1921.

«Пойду в скуфье смиренным иноком...» (стр. 65).— Первоначальный вариант под названием «Инок» — в журнале «Русская мысль», 1915, № 7:

Пойду в скуфейке, светлый инок,
Степной тропой к монастырям;
Сухой кошель из хворостинок
Повешу за плечи к кудрям.

Хочу концы твои измерить,
Родная Русь, я по росе
И в счастье ближнего поверить
На взбороненной полосе.

Иду. В траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари;
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песню косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Одной лишь грезой мыслю я:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия.

С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега,
Вкусив бесплотного причастья,
Молясь на копны и стога.

Стихотворение кардинально переработано для I тома Собрания стихотворений.

«Шел господь пытать людей в любови...» (стр. 66).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916. Перепечатано в альманахе «Весенний салон поэтов», изд-во «Зерна», М. 1918.

Кулижка — улица перед домом (местное, рязанское).

В хате (стр. 67).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916. Со второго издания книги название стихотворения повсюду отсутствует и впервые восстановлено для I тома Собрания стихотворений.

«По селу тропинкой кривенькой...» (стр. 68).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916, под названием «Рекруты». Во втором издании «Радуницы» название стихотворения снято и в дальнейшем не восстанавливалось.

«Гой ты, Русь моя родная...» (стр. 70).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

Корогод — хоровод.

Лехи — луговые или полевые полосы.

«Я — пастух; мои палаты...» (стр. 71).— Впервые, под заглавием «Пастух», в «Ежемесячном журнале», 1915, № 8. Здесь 9—10-я строки:

Светят люстрами в сутёмы
Под росой мне тополя.

Исправлено для первого издания «Радуницы». Со второго издания заглавие повсюду снято.

«Сторона ль моя, сторонка...» (стр. 72).— Впервые в «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к журналу «Нива» на 1915 год», изд. т-ва А. Ф. Маркс, П. 1915. Здесь начальная строка: «Сторона моя, сторонка». Исправлено для первого издания «Радуницы», П. 1916.

«Сохнет стаявшая глина...» (стр. 73).— Впервые в книге «Радуница», изд-во «Имажинисты», М. 1921.

«По дороге идут богомолки...» (стр. 74).— Впервые, под названием «Богомолки», в книге «Радуница», П. 1916. В дальнейшем заголовок снят автором.

«Край ты мой заброшенный...» (стр. 75).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

«Черная, потом пропахшая выть...» (стр. 76).— Впервые, под названием «Выть», в книге «Радуница», П. 1916.

Выть — земельный участок, а также доля, судьба.

Кукан — маленький островок посреди реки.

«Топи да болота...» (стр. 77).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

1915

«Узоры» (стр. 78).— Впервые в журнале «Друг народа», 1915, № 1.

Черемуха (стр. 79).— Впервые в журнале «Мирок», 1915, № 3.

Что это такое? (стр. 81).— Впервые в журнале «Мирок», 1915, № 1.

«Тебе одной плету венок...» (стр. 82).— Впервые в литературном приложении к «Ниве», 1915, № 12.

Девичник (стр. 83).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1915, № 6. Здесь 14-я строка: «Сердце кроткое охватывает стужа». Исправлено для первого издания «Радуницы».

Вечер (стр. 84).— Впервые в журнале «Русская мысль», 1915, № 7.

«На плетнях висят баранки...» (стр. 85).— Впервые, под названием «Базар», в книге «Радуница», П. 1916. Перепечатано в книге «О России и Революции», М. 1925. Заголовок снят автором в I томе Собрания стихотворений.

Лещужною, от слова «лещуга» — осока (местное, рязанское).

На пыжну — очевидно, от «пыжнин», то есть в мелколесье, в кустарнике.

«На небесном синем блюде...» (стр. 87).— Впервые в журнале «Красная новь», 1926, № 5.

«Заглушила засуха засевки...» (стр. 88).— Впервые опубликовано под названием «Молебен» в руководимом А. М. Горьким журнале «Летопись», П. 1916, № 2.

Публикация этого стихотворения А. М. Горьким в «Летописи» примечательна как показатель того, что вне его внимания не были ни одно литературное явление, ни один талант. «Впервые я увидал Есенина в 1914 году»,— писал А. М. Горький в своих воспоминаниях о поэте (1926). Примечательно также и то, что А. М. Горький поместил в «Летописи» именно это стихотворение, насыщенное больше, чем другие стихотворения С. Есенина того периода, социальными мотивами.

Побирушка (стр. 90).— Перепечатывается впервые из журнала «Доброе утро», 1915, № 16.

«В том краю, где желтая крапива...» (стр. 91).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1916, № 9-10.

«Я снова здесь, в семье родной...» (стр. 93).— Впервые в книге «Голубень», П. 1918.

«Устал я жить в родном краю...» (стр. 94).— Впервые в журнале «Северные записки», 1916, № 9. Здесь последняя строфа:

Моя оборванная нить
Не смутит тихие озера;
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Исправлено для Собрания стихотворений.

«Не бродить, не мять в кустах багряных...» (стр. 96).— Впервые в книге «Голубень», П. 1918. Беловой автограф, относящийся к октябрю 1916 года и хранящийся в Ленинградской публичной библиотеке, содержит разночтение в 14-й строке: «Как котенок лапкой моет рот».

Корова (стр. 98).— Впервые в журнале «Северные записки», 1916, № 9. Перепечатано в альманахе «Весенний салон поэтов», М. 1918.

Песнь о собаке (стр. 99).— Впервые напечатана, под названием «Песня о собаке», в газете «Советская страна», М. 10 февраля 1919 года.

В воспоминаниях А. М. Горького о С. Есенине содержится рассказ о чтении поэтом его стихов, в том числе «Песни о собаке»:

«Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

— Если вы не устали...

— Я не устаю от стихов,— сказал и недоверчиво спросил:

— А вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных...» (М. Горький, Собрание сочинений, Гослитиздат, М. 1952, т. 17, стр. 63).

Табун (стр. 101).— Впервые в сборнике «Скифы», 1918, № 2.

Вихрастый гамаюн — пастух; *гамаюн* — сказочная райская птица с человеческим лицом.

«Туча кружево в роще связала...» (стр. 103).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

«Нощь, и поле, и крик петухов...» (стр. 104).— Впервые в «Ежемесячном журнале», П. 1917, № 11-12.

Для последующих изданий и Собрания стихотворений поэт значительно переработал это стихотворение.

В «Ежемесячном журнале» первая, вторая и четвертая строфы:

Как покладинка, лег через ров
Звонкий месяц над синью холмов,
Расплескалася пегая мгла,
Вижу свет голубого крыла.

Снова выплыл из ровных долин
Отчий дом под кустами стремнин.
И обветренный легким дождем,
Конским пòтом запах чернозем.

Знаю я, не приснилась судьбе
Песня новая в тихой избе,
И, как прежде, архангельский лик
Веет былью зачитанных книг.

Без исправлений в Собрании стихотворений поэтом оставлены только третья и пятая строфы.

Пропавший месяц (стр. 105).— Впервые во «Временнике литературы, искусств и политики «Знамя труда», 1918, № 1; в том же году в книге «Голубень».

«Колокольчик среброзвонный...» (стр. 107).— Впервые в сборнике «Скифы», 1918, № 2; в том же году в книге «Голубень». Здесь начальные две строки первой строфы:

Песня, луг, реки затоны —
Эта жизнь мне только снится.

Вторая и третья строки второй строфы:

В плеске крыльев голубиных,
На руках твоих невинных.

Исправлено для Собрания стихотворений.

1916

«Даль подернулась туманом...» (стр. 108).— Впервые в журнале «Красная новь», 1926, № 7.

«Запели тесаные дроги...» (стр. 109).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1916, № 7-8. Здесь первая строфа:

Сереют избы. Небо бело.
На солнце дремлют тополя.
Опять ты вновь заголубела,
Моя родимая земля.

Исправлено для книги «Голубень», П. 1918.

«За темной прядью перелесиц...» (стр. 110).— Впервые в журнале «Северные записки», 1916, № 9.

Осень (стр. 112).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1917, № 1, в цикле «Голубень». С подзаголовком «Из цикла «Голубень» перепечатано в альманахе «Весенний салон поэтов».

«О красном вечере задумалась дорога...» (стр. 113).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1917, № 1.

«О товарищах веселых...» (стр. 114).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1917, № 1.

«Прячет месяц за овинами...» (стр. 115).— Впервые — по рукописи неизданной книжки для детей «Зарянка» — в книге С. Есенина «Избранное», Гослитиздат, М. 1952.

«За горами, за желтыми долами...» (стр. 116).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1916, № 4.

«Опять раскинулся узорно...» (стр. 117).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1916, № 9-10.

Молотьба (стр. 119).— Впервые в журнале «Костер», 1946, № 7.

«За рекой горят огни...» (стр. 120).— Впервые — по рукописи неизданной книжки для детей «Зарянка» — в книге С. Есенина «Избранное», Гослитиздат, М. 1952.

Дед (стр. 121).— Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

Жамковая — давленая, мятая.

Поминки (стр. 122).—Впервые в книге «Радуница», П. 1916.

«Белая свитка и алый кушак...» (стр. 123).— Впервые в «Ежемесячном журнале», П. 1916, № 5.

«День ушел, убавилась черта...» (стр. 125).— Впервые в «Ежемесячном журнале», 1916, № 11.

«В лунном кружеве украдкой...» (стр. 127).— Впервые в книге «Голубень», П. 1918.

«Там, где вечно дремлет тайна...» (стр. 128).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1918, № 2; в том же году в книге «Голубень».

«Весна на радость не похожа...» (стр. 129).— Впервые в книге «Голубень», П. 1918.

«Прощай, родная пуща...» (стр. 130).— Впервые в газете «Знамя труда», П. 1918, № 107, 12 января (30 декабря 1917 года); в том же году в книге «Голубень».

«Покраснела рябина...» (стр. 131).— Впервые в сборнике «Скифы», 1917, № 1; в том же году в книге С. Есенина «Голубень».

«Тучи с ожерёба...» (стр. 133).— Впервые в книге «Голубень», П. 1918.

Лисица (стр. 135).— Впервые в журнале «Нива», 1917, № 10.

1917

«Синее небо, цветная дуга...» (стр. 136).— Впервые в сборнике «Скифы», 1917, № 1.

«О Русь, взмахни крылами...» (стр. 137).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1918, № 2; в том же году в книге «Голубень».

«Не напрасно дули ветры...» (стр. 140).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1918, № 2; в том же году в книге «Голубень».

«Небо ли такое белое...» (стр. 141).— Впервые в сборнике Всероссийского союза поэтов «Поэты наших дней», М. 1924.

«О край дождей и непогоды...» (стр. 142).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1918, № 2; в том же году в книге «Голубень».

«Разбуди меня завтра рано...» (стр. 143).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Где ты, где ты, отчий дом...» (стр. 144).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Нивы сжаты, рощи голы...» (стр. 145).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«О пашни, пашни, пашни...» (стр. 146).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

Исайя — один из библейских пророков.

«О, верю, верю, счастье есть!..» (стр. 147).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Проплясал, проплакал дождь весенний...» (стр. 148).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1918, № 2; в том же году в книге «Преображение».

Пилат — Понтий Пилат, представитель римской власти в древней Иудее; по библейскому преданию, дал согласие на казнь Христа и в знак этого, по тогдашнему обычаю, умыл руки. Имя Пилата употребляется обычно тогда, когда идет речь о равнодушии и безучастии к человеческим страданиям. *Или, Или, Лима Савахвани* (Или, или, лама савахвани?) — боже мой, боже мой, зачем ты меня оставил? (Библейское.)

«Я по первому снегу бреду...» (стр. 150).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Отвори мне, страж заоблачный...» (стр. 151).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Песни, песни, о чем вы кричите?..» (стр. 152).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918, где заключительная строфа была следующая:

Есть несчастие в мире этом,
Хоть отрадно его носить.
Но несчастье — родиться поэтом
И своих же стихов не любить.

При переиздании книги 2-я строка этой строфы заменена: «Когда чувства, как с крыш воробьи». Окончательный вариант установлен в книге «Березовый ситец», М. 1925, где переделана и 13-я строка, прежде читавшаяся: «Но осенняя синь не лечит».

«Вот оно, глупое счастье...» (стр. 153).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Гляну в поле, гляну в небо...» (стр. 154).— Впервые в сборнике «Скифы», П. 1918, № 2; в том же году в книге «Голубень».

«Гаснут красные крылья заката...» (стр. 155).— Печатается по книге С. Есенина «Избранное», Гослитиздат, М. 1946. Имеется вариант этого стихотворения, напечатанный впервые в сборнике «Страда», П. 1916:

ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР

Теплый вечер грызет воровато
Луговые поёмы и пни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обойменные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Не беда, что и я видел зыбку:
Эта скорбь ее сердце не жжет;
Только девичью честь и улыбку
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит:
Только гордые в силе живут;
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю;
Будет злобно крутить пороша,
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня...
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

1918

«Заметает пурга...» (стр. 157).— Впервые в книге «Радуница», М. 1918.

«Зеленая прическа...» (стр. 158).— Впервые в книге «Преображение», М. 1918.

«Я покинул родимый дом...» (стр. 160).— Впервые во втором сборнике «Конница бурь», изд-во «Див», М. 1920; в том же году в книге «Трерядница».

«Хорошо под осеннюю свежесть...» (стр. 161).— Впервые во втором сборнике «Конница бурь», изд-во «Див», М. 1920; в том же году в книге «Трерядница».

«Закружилась листва золотая...» (стр. 162).— Впервые в книге «Трерядница», М. 1920; в том же году в сборнике «Плавильня слов».

Кантата (стр. 163).— Впервые в ежемесячном литературно-художественном журнале самарского пролеткульта «Зарево заводов», Самара, 1919, № 1. Написано для торжественного открытия мемориальной доски на Кремлевской стене героям боев за Октябрьскую революцию. Доска выполнена скульптором С. Т. Коненковым.

1919

«Ветры, ветры, о снежные ветры...» (стр. 164).— Впервые в IV томе Собрания стихотворений. Стихотворение предназначалось для неосуществленного изданием сборника С. Есенина «Руссеянь», изд-во «Альциона».

«Я последний поэт деревни...» (стр. 165).— Впервые в книге «Трерядница», М. 1920.

«И небо и земля все те же...» (стр. 166).— Впервые в еженедельной газете «Советская страна», М. 1919, № 2.

«Душа грустит о небесах...» (стр. 167).— Впервые в книге «Трерядница», М. 1920; в том же году в сборнике «Плавильня слов».

Хулиган (стр. 168).— Впервые в журнале «Знамя», 1920, № 5/7.

1920

«По-осеннему кычет сова...» (стр. 170.) — Впервые в журнале «Знамя», 1920, № 3-4; в том же году в книге «Трерядница».

1921

«Не жалею, не зову, не плачу...» (стр. 171).— Впервые в журнале «Красная новь», 1922, № 2.

«Не ругайтесь. Такое дело!..» (стр. 172).— Впервые в журнале «Огонек», 1923, № 26.

1922

«Все живое особой метой...» (стр. 173).— Впервые в журнале «Красная новь», 1922, № 3.

«Да! теперь решено. Без возврата...» (стр. 175).— Впервые в книге «Стихи скандалиста», Берлин, 1923; перепечатано в журнале имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М. 1924, № 1 (3).

«Я обманывать себя не стану...» (стр. 177).— Впервые в журнале «Красная новь», 1923, № 6.

1923

«Эта улица мне знакома...» (стр. 179).— Впервые в журнале «Красная новь», 1923, № 6. Здесь 22-я строка: «Как о ком-то пропавшем, живом»; 31-я строка: «Ближе, ближе к родимому краю». Исправлено для Собрания стихотворений.

«Мне осталась одна забава...» (стр. 181).— Впервые в журнале имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М. 1924, № 1 (3).

«Заметался пожар голубой...» (стр. 183).— Впервые в журнале «Красная нива», 1923, № 41.

«Ты такая ж простая, как все...» (стр. 185).— Впервые в журнале «Красная нива», 1923, № 41.

«Пускай ты выпита другим...» (стр. 187).— Впервые в журнале «Красная новь», 1923, № 7.

«Дорогая, сядем рядом...» (стр. 189).— Впервые в журнале «Красная новь», 1923, № 7.

«Мне грустно на тебя смотреть...» (стр. 191).— Впервые в журнале «Русский современник», Л. 1924, № 2; в том же году в книге «Стихи», изд-во «Круг».

«Ты прохладой меня не мучай...» (стр. 192).— Впервые в журнале «Русский современник», Л. 1924, № 2; в том же году в книге «Стихи», изд-во «Круг».

«Вечер черные брови насопил...» (стр. 194).— Впервые в журнале «Красная новь», 1924, № 1; в том же году в книге «Стихи», изд-во «Круг».

«Я усталым таким еще не был...» (стр. 196).— Впервые в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном», 1924, № 1 (3); в том же году в книге «Стихи», изд-во «Круг».

1924

«Годы молодые с забубенной славой...» (стр. 198).— Впервые в журнале «Красная новь», 1924, № 3.

Письмо к матери (стр. 200).— Впервые в журнале «Красная новь», 1924, № 3; в том же году в книге «Стихи», изд-во «Круг».

«Мы теперь уходим понемногу...» (стр. 202).— Впервые в журнале «Красная новь», 1924, № 4, под названием «Памяти Ширяевца»; в том же году в книге «Стихи», изд-во «Круг».

Пушкину (стр. 204).— Впервые в книге «Стихи», изд-во «Круг», М. 1924.

«Отговорила роща золотая...» (стр. 205).— Впервые в журнале «Красная новь», 1924, № 6. Здесь и в книге «Персидские мотивы», М. 1925, 6-я строка читалась так: «Пройдет, зайдет

и вновь покинет дом», а 22-я строка в книге «Персидские мотивы»: «Сберет их все в один ненужный ком». Исправлено автором для I тома Собрания стихотворений.

Сукин сын (стр. 207). — Впервые, без названия, в журнале «Новый мир», 1925, № 3. Название «Сукин сын» дано автором в книге «Персидские мотивы», М. 1925.

«Этой грусти теперь не рассыпать...» (стр. 209). — Впервые в журнале «Русский современник», Л. 1924, № 3.

«Низкий дом с голубыми ставнями...» (стр. 211). — Впервые в журнале «Русский современник», П. 1924, № 3. Здесь начальная и предпоследняя строки: «Низкий дом с расписными ставнями» — исправлены для книги «Персидские мотивы».

«Издатель славный! В этой книге...» (стр. 213). — Впервые в вечернем выпуске «Красной газеты», Л. 1925, № 316, 31 декабря.

Персидские мотивы (стр. 214). — Раздел полностью воспроизводит текст одноименного сборника «Персидские мотивы» (изд-во «Современная Россия», М. 1925). Цикл «Персидские мотивы» пополнен шестью заключительными стихотворениями, опубликованными после выхода книги. На рукописи последнего из них, «Голубая да веселая страна», рукой С. Есенина написано: «Конец персид. мотивов». С. Есенин в Персии (Иране) не был. Большинство стихотворений цикла «Персидские мотивы» было написано им в Баку и в дачной местности под Баку — в Мардакьянах. Цикл посвящен П. И. Чагину, в то время редактору «Бакинского рабочего». В письме к Чагину от 21 июня 1925 года Есенин писал: «Стихи о Персии я давно посвятил тебе. Только до книги я буду ставить П. Ч. или вовсе ничего. Все это полностью будет в книге. Она выйдет отдельно».

«Ты сказала, что Саади...» — *Саади* — Муслихиддин Саади (1184—1292) — прославленный поэт родом из Шираза (Южный Иран), признанный классиком персидской и таджикской литератур.

«Свет вечерний шафранного края...» — *Хаям* — Омар Хайям (1040—1123) — выдающийся таджикский поэт, автор знаменитых четверостиший (рубои), ставший классиком также и персидской литературы.

«Голубая родина Фирдуси...» — *Фирдуси* — Абулькосим Фирдоуси (934—1025) — великий таджикский поэт, создатель знаменитой героической поэмы «Шахнамэ», признанный классиком также и персидской литературы.

Батум (стр. 244).— Неоконченное стихотворение. Печатается по рукописи, хранящейся в ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР. Первые три строфы опубликованы в журнале «Огонек», 1945, № 43.

«Заря окликает другую...» (стр. 248).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 104, 12 мая; перепечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 5.

«Несказанное, синее, нежное...» (стр. 250).— Опубликовано в журнале «Красная нива», 1925, № 14 и № 30, а также в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 77, 7 апреля.

Собаке Качалова (стр. 252).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 77, 7 апреля.

Качалов Василий Иванович (1875—1948) — выдающийся русский советский актер, один из мастеров Московского Художественного академического театра имени М. Горького, Народный артист СССР.

Песня (стр. 254).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 108, 17 мая; перепечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 5. Здесь 3-я и предпоследняя строки: «Жила — забубенная, жила — ножевая». Исправлено для I тома Собрания стихотворений.

«Ну, целуй меня, целуй...» (стр. 256).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 110, 19 мая; перепечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 5.

«Не вернусь я в отчий дом...» (стр. 258).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 108, 17 мая.

«Синий май. Заревая теплынь...» (стр. 260). Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 110, 19 мая; перепечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 6. Здесь 21—22-я строки:

Принимаю я дали и близь,
В чем есть грусть, в чем есть боль и отрада.

Исправлено для I тома Собрания стихотворений.

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» (стр. 262).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 115, 25 мая.

«Неуютная жидкая лунность...» (стр. 263).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 115, 25 мая.

«Вижу сон. Дорога черная...» (стр. 265).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 161, 20 июля.

«Видно, так заведено навеки...» (стр. 266).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 171, 31 июля; перепе-

чатано в журнале «Огонек», 1925, № 38 и одновременно в журнале «Красная новь», 1925, № 7.

«Каждый труд благослови, удача!..» (стр. 268).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 171, 31 июля; перепечатано в журнале «Огонек», 1925, № 38, и одновременно в журнале «Красная новь», 1925, № 7.

«Я иду долиной. На затылке кепи...» (стр. 270).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 174, 4 августа, перепечатано в журнале «Красная нива», 1925, № 33.

«Спит ковыль. Равнина дорогая...» (стр. 272).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 161, 20 июля; перепечатано в журнале «Огонек», 1925, № 31, и в журнале «Красная нива», 1925, № 32. Здесь 19-я строка: «Как чужая жизнь брызжет новью». Исправлено для I тома Собрания стихотворений.

Я помню (стр. 274).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», № 174, 4 августа; перепечатано в журнале «Красная нива», 1925, № 37.

«Листья падают, листья падают...» (стр. 275).— Впервые в журнале «Прожектор», 1925, № 18.

«Гори, звезда моя, не падай...» (стр. 277).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 189, 21 августа; перепечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 8.

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» (стр. 279).— Впервые в журнале «Красная новь», 1925, № 8.

«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» (стр. 280).— Впервые в газете «Бакинский рабочий», 1925, № 189, 21 августа; перепечатано в журнале «Красная новь», 1925, № 8.

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело...» (стр. 282).— Впервые в журнале «Красная новь», 1925, № 8.

«Я красивых таких не видел...» (стр. 283).— Впервые в журнале «Красная нива», 1925, № 42.

«Ах, как много на свете кошек...» (стр. 285).— Впервые в журнале «Красная нива», 1925, № 42.

«Ты запой мне ту песню, что прежде...» (стр. 286).— Опубликовано в 1925 г. в журналах «Красная новь», № 8, и «Красная нива», № 42.

«В этом мире я только прохожий...» (стр. 288).— Опубликовано в 1925 г. в журналах «Красная новь», № 8, «Красная нива», № 42. Здесь 4-я строка: «Свет приятный и тихий такой»; 8-я строка: «На любовь, уж которой нет». Исправлено для I тома Собрания стихотворений.

«Эх вы, сани! А кони, кони!..» (стр. 289).— Впервые в журнале «Новый мир», 1925, № 11. Здесь вторая строфа, опущенная в I томе Собрания стихотворений:

Снеговая, пустая дорога,
Только скрип, только снег и поля.
Ах, как выткало небо много
Рассыпающегося миткаля!

«Снежная замять дробится и колется...» (стр. 291).— Впервые в журнале «Новый мир», 1925, № 11.

«Синий туман. Снеговое раздолье...» (стр. 293).— Впервые в альманахе «Красная новь», № 2, Гиз, М.— Л. 1925.

«Слышишь — мчатся сани,. слышишь — сани мчатся...» (стр. 295).— Впервые в журнале «Красная новь», 1925, № 9.

«Голубая кофта. Синие глаза...» (стр. 296).— Впервые в журнале «Красная новь», 1925, № 9.

«Снежная замять крутит бойко...» (стр. 297).— Опубликовано в 1926 г. в журналах «Красная новь», № 1, и «Огонек», № 3.

«Вечером синим, вечером лунным...» (стр. 298).— Впервые в журнале «Красная новь», 1925, № 8; перепечатано в журнале «Красная нива», 1925, № 50.

«Не криви улыбку, руки теребя...» (стр. 299).— Впервые в журнале «Красная новь», 1926, № 2.

«Плачет метель, как цыганская скрипка...» (стр. 300).— Впервые в журнале «Красная новь», 1926, № 1.

«Ах, метель такая, просто черт возьми...» (стр. 301).— Впервые в книге С. Есенина «Избранное», Гослитиздат, 1946.

«Снежная равнина, белая луна...» (стр. 302).— Впервые в книге С. Есенина «Избранное», Гослитиздат, 1946.

«Сочинитель бедный, это ты ли...» (стр. 303).— Впервые в журнале «Красная новь», 1925, № 9. Здесь первая строка второй строфы:

Ах, луна влетает через раму.

Исправлено для Собрания стихотворений.

«Свищет ветер, серебряный ветер...» (стр. 304).— Впервые в журнале «Красная нива», 1925, № 45.

«Мелколесье. Степь и дали...» (стр. 305).— Напечатано в декабре 1925 г. в журнале «Красная нива», № 50 (здесь начальная строка: «Темнолесье. Степь и дали»), и в журнале «Красная новь», № 10, без четвертой строфы.

«Цветы мне говорят — прощай!..» (стр. 307).— Напечатано в декабре 1925 г. в журналах «Красная новь», № 10, и «Красная нива», № 50.

Цветы (стр. 308).— Впервые в однодневной газете, выпущенной редакцией газеты «Бакинский рабочий» в 1925 году в целях оказания помощи артистам цирка в Баку, пострадавшим от пожара цирка. Затем — в журнале «Красная новь», 1926, № 11.

Стихотворение «Цветы», несмотря на некоторые схожие строки, встречающиеся в стихотворении «Цветы мне говорят — прощай...», имеет совершенно самостоятельное значение. В письме к П. Чагину от 21 марта 1925 года С. Есенин писал: «Цветы»... это философская вещь».

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (стр. 312).— Впервые в журнале «Красная нива», 1926, № 1.

«Какая ночь! Я не могу...» (стр. 313).— Впервые в журнале «Новый мир», 1926, № 2.

«Не гляди на меня с упреком...» (стр. 315).— Впервые в журнале «Новый мир», 1926, № 2.

«Ты меня не любишь, не жалеешь...» (стр. 317).— Впервые в журнале «Новый мир», 1926, № 2, с пропуском шестой строфы, восстановленной в IV томе Собрания стихотворений.

«Может, поздно, может, слишком рано...» (стр. 319).— Впервые в газете «Вечерняя Москва», 1926, № 30, 6 февраля.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» (стр. 321).— Предсмертное стихотворение С. Есенина, впервые опубликовано в «Красной газете» (вечерний выпуск), 1925, № 314, 29 декабря.

В ответ на это стихотворение В. Маяковский написал стихотворение «Сергею Есенину», о своей работе над которым он рассказал в статье «Как делать стихи».

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Сергея Есенина. *К. Зелинский* 5

1910

«Вот уж вечер. Роса...» 39
«Там, где капустные грядки...» 40
«Поет зима — аукает...» 41
Подражание песне («Ты поила коня из горстей в по-
воду...») 42
«Выткался на озере алый свет зари...» 43
«Дымом половодье...» 44
«Сыплет черемуху снегом...» 45
Калики («Проходили калики деревнями...») 46

1911

«Под венком лесной ромашки...» 47
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» . . . 48
«Темна ноченька, не спится...» 49
Моя жизнь («Будто жизнь на страданья моя обречена...») 50

1912

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» 51
Что прошло — не вернуть («Не вернуть мне ту ночку
прохладную...») 52
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» . . . 53
«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» 54

1913

Береза («Белая береза...») 55

1914

Пороша («Еду. Тихо. Слышны звоны...») 56
Пасхальный благовест («Колокол дремавший...») . . . 57
С добрым утром! («Задремали звезды золотые...») . . 58
Молитва матери («На краю деревни...») 59
Ямщик («За ухабины степные...») 61
«Зашумели над затоном тростники...» 62
«Троицыно утро, утренний канон...» 63
«Край любимый! Сердцу снятся...» 64
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» 65
«Шел господь пытать людей в любови...» 66
В хате («Пахнет рыхлыми драченами...») 67
«По селу тропинкой кривенькой...» 68
«Гой ты, Русь моя родная...» 70
«Я — пастух; мои палаты...» 71
«Сторона ль моя, сторонка...» 72
«Сохнет стаявшая глина...» 73
«По дороге идут богомолки...» 74
«Край ты мой заброшенный...» 75
«Черная, потом пропахшая выть...» 76
«Топи да болота...» 77

1915

«Узоры» («Девушка в светлице вышивает ткани...») . . 78
Черемуха («Черемуха душистая...») 79
Что это такое? («В этот лес завороженный...») 81
«Тебе одной плету венок...» 82
Девичник («Я надену красное монисто...») 83
Вечер («На лазоревые ткани...») 84
«На плетнях висят баранки...» 85
«На небесном синем блюде...» 87
«Заглушила засуха засевки...» 88
Побирушка («Плачет девочка-малютка у окна больших хором...») 90
«В том краю, где желтая крапива...» 91
«Я снова здесь, в семье родной...» 93

«Устал я жить в родном краю...» 94
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» 96
Корова («Дряхлая, выпали зубы...») 98
Песнь о собаке («Утром в ржаном закуте...») 99
Табун («В холмах зеленых табуны коней...») 101
«Туча кружево в роще связала...» 103
«Нощь, и поле, и крик петухов...» 104
Пропавший месяц («Облак, как мышь...») 105
«Колокольчик среброзвонный...» 107

1916

«Даль подернулась туманом...» 108
«Запели тесаные дроги...» 109
«За темной прядью перелесиц...» 110
Осень («Тихо в чаще можжевеля по обрыву...») 112
«О красном вечере задумалась дорога...» 113
«О товарищах веселых...» 114
«Прячет месяц за овинами...» 115
«За горами, за желтыми дòлами...» 116
«Опять раскинулся узорно...» 117
Молотьба («Вышел зáраня дед...») 119
«За рекой горят огни...» 120
Дед («Сухлым войлоком по стежкам...») 121
Поминки («Заслонили ветлы сиротливо...») 122
«Белая свитка и алый кушак...» 123
«День ушел, убавилась черта...» 125
«В лунном кружеве украдкой...» 127
«Там, где вечно дремлет тайна...» 128
«Весна на радость не похожа...» 129
«Прощай, родная пуща...» 130
«Покраснела рябина...» 131
«Тучи с ожерёба...» 133
Лисица («На раздробленной ноге приковыляла...») . . 135

1917

«Синее небо, цветная дуга...» 136
«О Русь, взмахни крылами...» 137
«Не напрасно дули ветры...» 140
«Небо ли такое белое...» 141

«О край дождей и непогоды...» 142
«Разбуди меня завтра рано...» 143
«Где ты, где ты, отчий дом...» 144
«Нивы сжаты, рощи голы...» 145
«О пашни, пашни, пашни...» 146
«О, верю, верю, счастье есть!..» 147
«Проплясал, проплакал, дождь весенний...» 148
«Я по первому снегу бреду...» 150
«Отвори мне, страж заоблачный...» 151
«Песни, песни, о чем вы кричите?..» 152
«Вот оно, глупое счастье...» 153
«Гляну в поле, гляну в небо...» 154
«Гаснут красные крылья заката...» 155

1918

«Заметает пурга...» 157
«Зеленая прическа...» 158
«Я покинул родимый дом...» 160
«Хорошо под осеннюю свежесть...» 161
«Закружилась листва золотая...» 162
Кантата («Спите, любимые братья!..») 163

1919

«Ветры, ветры, о снежные ветры...» 164
«Я последний поэт деревни...» 165
«И небо и земля все те же...» 166
«Душа грустит о небесах...» 167
Хулиган («Дождик мокрыми метлами чистит...») . . . 168

1920

«По-осеннему кычет сова...» 170

1921

«Не жалею, не зову, не плачу...» 171
«Не ругайтесь. Такое дело!..» 172

1922

«Все живое особой метой...» 173
«Да! Теперь решено. Без возврата...» 175
«Я обманывать себя не стану...» 177

1923

«Эта улица мне знакома...» 179
«Мне осталась одна забава...» 181
«Заметался пожар голубой...» 183
«Ты такая ж простая, как все...» 185
«Пускай ты выпита другим...» 187
«Дорогая, сядем рядом...» 189
«Мне грустно на тебя смотреть...» 191
«Ты прохладой меня не мучай...» 192
«Вечер черные брови насопил...» 194
«Я усталым таким еще не был...» 196

1924

«Годы молодые с забубенной славой...» 198
Письмо к матери («Ты жива еще, моя старушка?..») . . 200
«Мы теперь уходим понемногу...» 202
Пушкину («Мечтая о могучем даре...») 204
«Отговорила роща золотая...» 205
Сукин сын («Снова выплыли годы из мрака...») 207
«Этой грусти теперь не рассыпать...» 209
«Низкий дом с голубыми ставнями...» 211
«Издатель славный! В этой книге...» 213

Персидские мотивы

1924—1925

«Улеглась моя былая рана...» 214
«Я спросил сегодня у менялы...» 216
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» 218
«Ты сказала, что Саади...» 220
«Никогда я не был на Босфоре...» 221

«Свет вечерний шафранного края...» 223
«Воздух прозрачный и синий...» 225
«Золото холодное луны...» 227
«Голубая родина Фирдуси...» 229
«В Хороссане есть такие двери...» 231
«Быть поэтом — это значит то же...» 233
«Руки милой — пара лебедей...» 235
«Отчего луна так светит тускло...» 237
«Глупое сердце, не бейся!..» 239
«Море голосов воробьиных...» 241
«Голубая да веселая страна...» 242

1925

Батум («Корабли плывут...») 244
«Заря окликает другую...» 248
«Несказанное, синее, нежное...» 250
Собаке Качалова («Дай, Джим, на счастье лапу мне...») 252
Песня («Есть одна хорошая песня у соловушки...») . . 254
«Ну, целуй меня, целуй...» 256
«Не вернусь я в отчий дом...» 258
«Синий май. Заревая теплынь...» 260
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» 262
«Неуютная жидкая лунность...» 263
«Вижу сон. Дорога черная...» 265
«Видно, так заведено навеки...» 266
«Каждый труд благослови, удача!..» 268
«Я иду долиной. На затылке кепи...» 270
«Спит ковыль. Равнина дорогая...» 272
Я помню («Я помню, любимая, помню...») 274
«Листья падают, листья падают...» 275
«Гори, звезда моя, не падай...» 277
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» 279
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» 280
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» . . 282
«Я красивых таких не видел...» 283
«Ах, как много на свете кошек...» 285
«Ты запой мне ту песню, что прежде...» 286
«В этом мире я только прохожий...» 288
«Эх вы, сани! А кони, кони!..» 289

«Снежная замять дробится и колется...» 291
«Синий туман. Снеговое раздолье...» 293
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» . 295
«Голубая кофта. Синие глаза...» 296
«Снежная замять крутит бойко...» 297
«Вечером синим, вечером лунным...» 298
«Не криви улыбку, руки теребя...» 299
«Плачет метель, как цыганская скрипка...» 300
«Ах, метель такая, просто черт возьми...» 301
«Снежная равнина, белая луна...» 302
«Сочинитель бедный, это ты ли...» 303
«Свищет ветер, серебряный ветер...» 304
«Мелколесье. Степь и дали...» 305
«Цветы мне говорят — прощай!..» 307
Цветы («Цветы мне говорят прощай...») 308
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» 312
«Какая ночь! Я не могу...» 313
«Не гляди на меня с упреком...» 315
«Ты меня не любишь, не жалеешь...» 317
«Может, поздно, может, слишком рано...» 319
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» 321
Примечания 322

Сергей Есенин
Сочинения, т. 1

Редактор *К. Платонова.* Художник *А. Щербаков*
Технический редактор *М Позднякова.* Корректор *А. Сабадаш*

Подписано к печати с матриц 21/III 1956 г. А 04206. Бумага 84 × 108$^{1}/_{32}$ — 21,75 печ. л = 17,83 усл. печ. л. 9,64 уч.-изд. л.
Тираж 150 000. Заказ № 1610. Цена 4 р. 85 к.

Гослитиздат, Москва, Ново-Басманная, 19.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфпрома Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

скан ewgeniy-new

4 р. 85 к.